

МИХАИЛ ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АРХИЕПИСКОПА

АНДРЕЯ

(КНЯЗЯ УХТОМСКОГО)

Михаил Зеленогорский

**Жизнь и труды архиепископа
Андрея (князя Ухтомского)**

«Мосты культуры»

2011

Зеленогорский М. Л.

Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского) /
М. Л. Зеленогорский — «Мосты культуры», 2011

Книга посвящена одной из самых ярких и в то же время самых загадочных фигур в истории русского православия в XX столетии. Потомок Рюрика и Чингисхана, родной брат выдающегося физиолога академика Алексея Ухтомского, владыка Андрей (1872—1937) был не только видным церковным иерархом, но и талантливым публицистом, активным общественно-политическим деятелем, оригинальным социальным мыслителем и вдумчивым исследователем национальной социокультурной традиции. Издание второе, дополненное.

© Зеленогорский М. Л., 2011

© Мосты культуры, 2011

Содержание

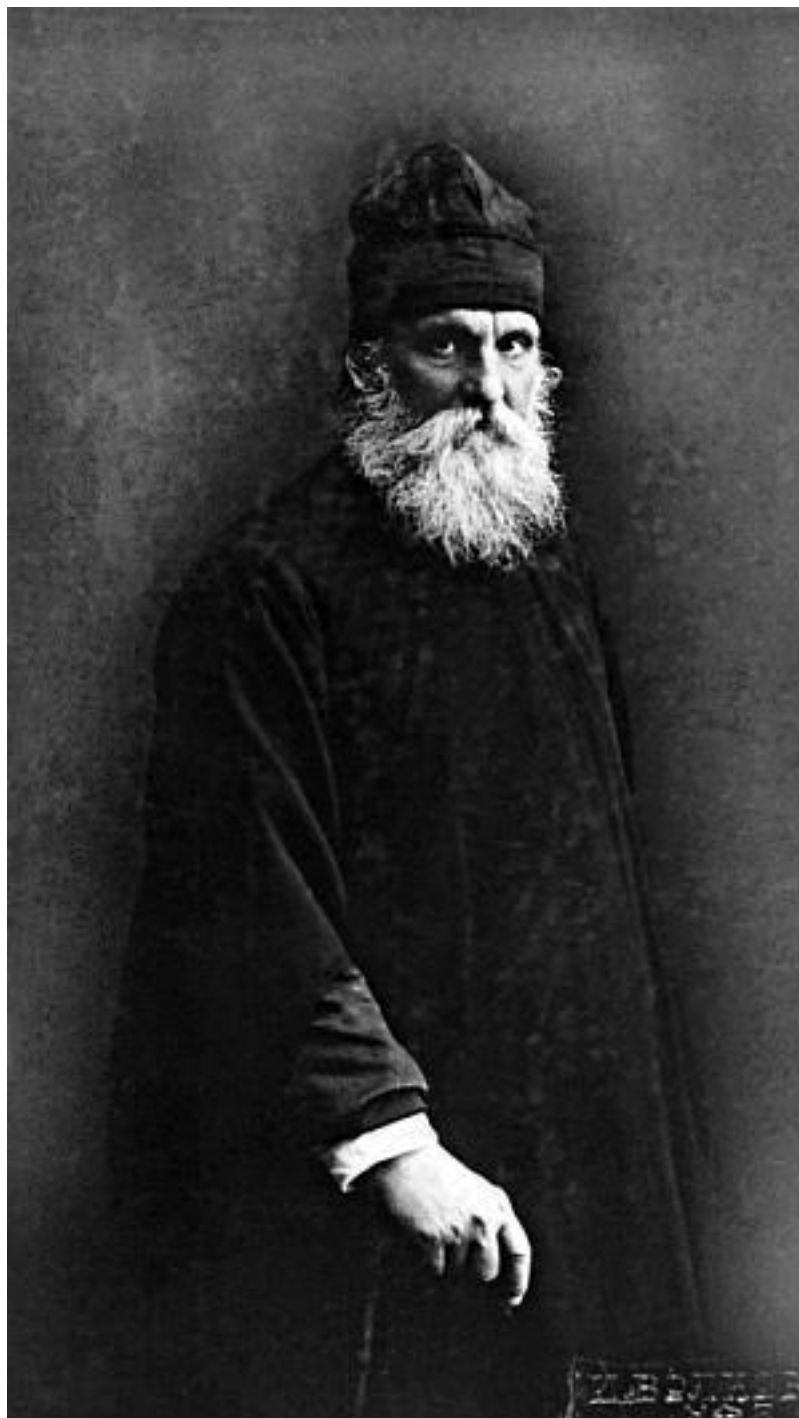
От автора	7
Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)	16
Глава первая	16
Глава вторая	23
1	23
2	28
3	30
4	33
Глава третья	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

М.Л. Зеленогорский

Жизнь и труды архиепископа

Андрея (князя Ухтомского)

Издательство благодарит Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник и лично его директора С.Д. Черкалина за предоставленные материалы

От автора

Несколько слов о том, как появилась эта книга. После службы в армии я в 1975 году вернулся к семье – в домик, окруженный садом и соснами, в подмосковном поселке у станции Ухтомская – с Казанского вокзала, Рязанское направление. Станция названа была в память о расстрелянном в первую русскую революцию машинисте Алексее Ухтомском. Может быть, это стало знаком того, что именно там мне пришлось заняться восстановлением жизненного пути иерарха русской православной церкви архиепископа Андрея, в миру – князя Ухтомского.

А началось так. На нашей, почти деревенской, улице отключили воду в домах и пришлось идти с ведром к колонке, благо она была напротив. А из соседнего дома, тоже с ведром, вышел бородатый мужчина. Волосы на голове были завязаны в косу. Сосед проявил интерес к моей бороде – она была длиннее и гуще. Так и познакомились.

Старообрядческий священник Белокрыницкого согласия о. *Евгений Бобков*. По образованию – юрист. Его покойный к тому времени отец тоже был юристом, но возглавлял древлеправославную общину при Рогожском кладбище в Москве.

Стали общаться. У них с матушкой Ириной – из волжских старообрядцев кержаков – было к тому времени шестеро или семеро мальчишек. Мечтали о девочке – и позже она родилась. Десятой по счету. В описываемое время отец Евгений был удален госорганами из Москвы и служил настоятелем старообрядческой церкви в белорусском городе Гомеле – только там советская власть дозволила трудиться человеку, разоблачившему завербованного Комитетом госбезопасности священнослужителя на Рогожском кладбище¹. Но продолжал быть ближайшим сотрудником Архиепископа Московского и проявлял неумную активность в деле сохранения и развития староверия. Одновременно занимался наукой, в частности – историей русской духовной музыки: был знаком, сотрудничал и почитался крупнейшими специалистами в области русской культуры. А однажды принес мне постановление руководства РПЦ от 1971 года о «снятии клятв» со старообрядцев и попросил разобраться в истории вопроса и высказать мнение в виде небольшого исследования. А дабы я не испытывал недостатка в необходимых материалах и литературе, отвел меня на соседнюю улицу к *Михаилу Ивановичу Чуванову* – тогда 85-летнему старцу, председателю Преображенской старообрядческой общины федосеевцев и обладателю одной из крупнейших частных библиотек в более чем 20 тысяч книг. Журналы, газеты, рукописи, картины и рисунки. Михаил Иванович начинал еще юношей в типографии Рябушинских и всю жизнь проработал в издательствах; бережно хранил рукописи и гранки сгинувших литераторов: у него позже прочел авторские странички Цветаевой, Клюева, Павла Васильева. Опытный конспиратор и лагерный сиделец 1930-х вскоре побывал у меня дома, подарил трехтомную «Историю еврейского народа» Семена Дубнова, и в последующее десятилетие я стал постоянным читателем тамошних книг и рукописей, собеседником и иногда соавтором хозяина дома: так мы с ним написали «Введение в историю Древлеправославной Староверческой Церкви», которую он опубликовал петитом в беспоповском «рижском календаре»², в главную редакцию которого входил. Дело в том, что советская власть разрешала православным конфессиям издавать календари объемом не более 80 страниц, но для 90-летнего Михаила Ивановича глава Совета по делам религий Куроедов сделал исключение: позволял разово увеличивать их до 100 страниц, и мы мелко-мелко смогли уместить очерки по истории старообрядчества. Кстати, у того же Куроедова Михаил Иванович добился принципиального разрешения на издание с 1984 года журнала «Древлеправославный вестник», два номера которого я под присмотром Е.А. Бобкова заранее подготовил (первый – в июле 1983-го). Проект

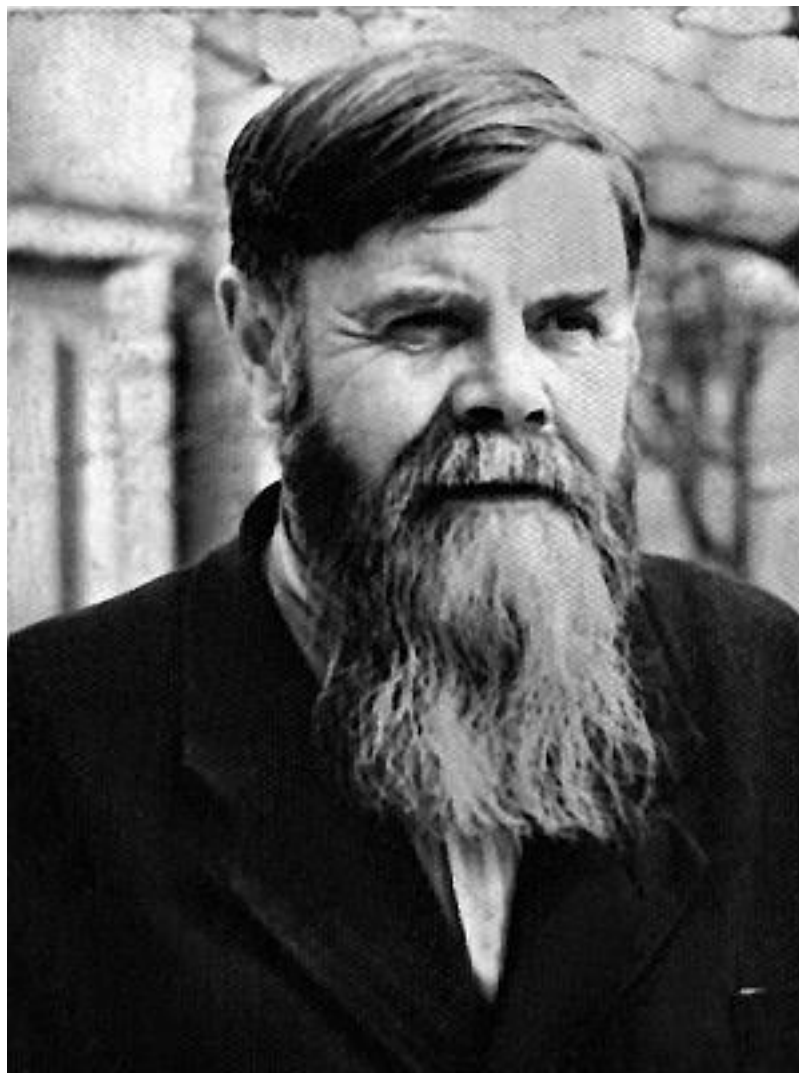
---

¹ См.: Вестник Русского христианского движения (Париж). 1973. № 108-110.

² Старообрядческий церковный календарь на 1986 г. (Рига). С. 48–57.

не осуществился по причине внутренних разборок среди беспоповских согласий. По просьбе Михаила Ивановича я периодически описывал хранящиеся в доме исторические документы – это помогло мне научиться работе с источниками, умению краткого и грамотного описания их.

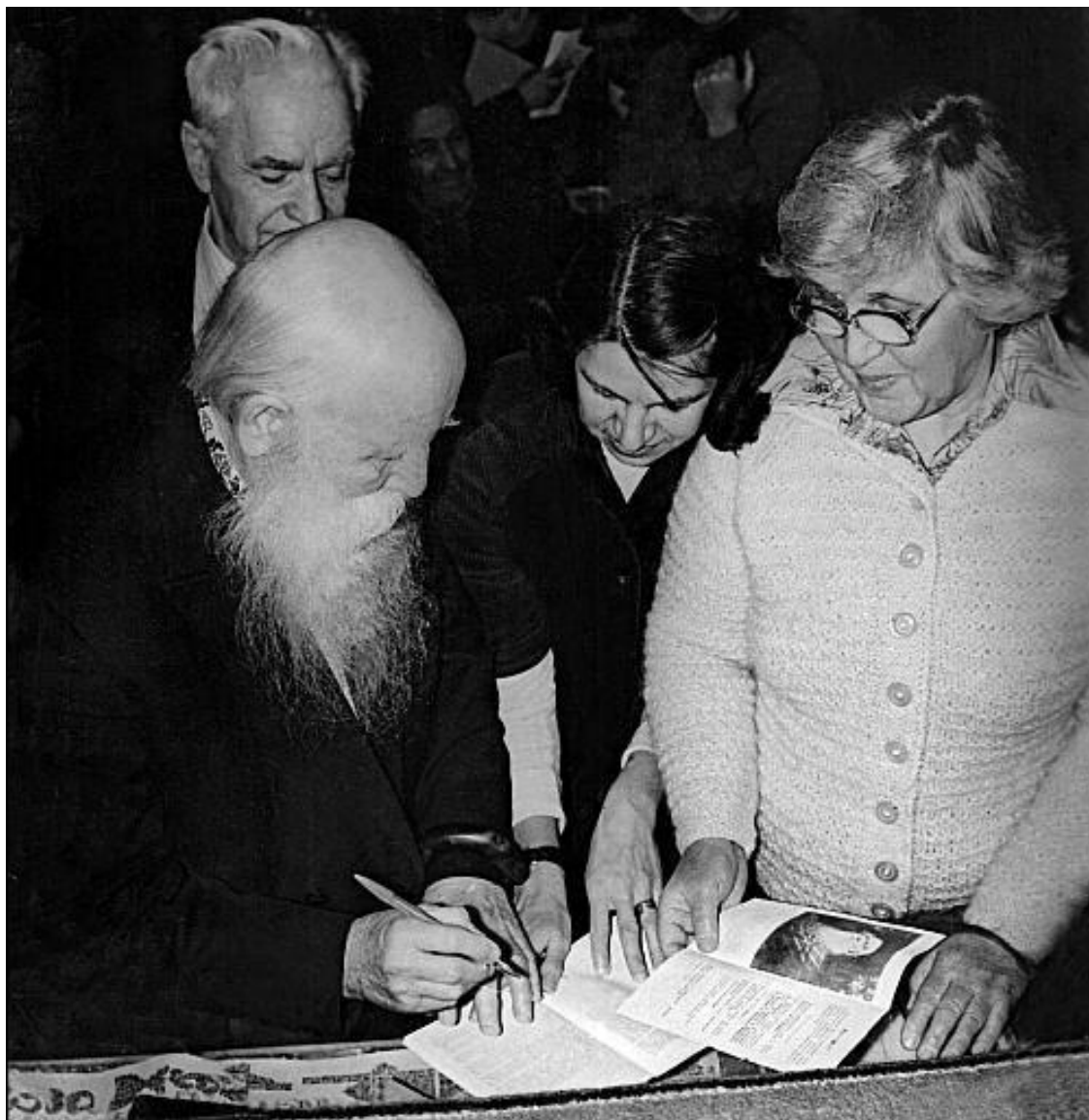
Статья «К вопросу о клятвах» была мною написана и, по всей видимости, одобрена, так как была пущена по рукам. Были и другие статьи и заметки, в том числе опубликованные. Их явно читали и потому в дальнейшем меня по-доброму принимали и в старообрядческой среде в Каунасе, Риге и в лесах Горной Шории, и в кабинетах питерского Пушкинского дома.

Алексей Дорофеевич Бобков

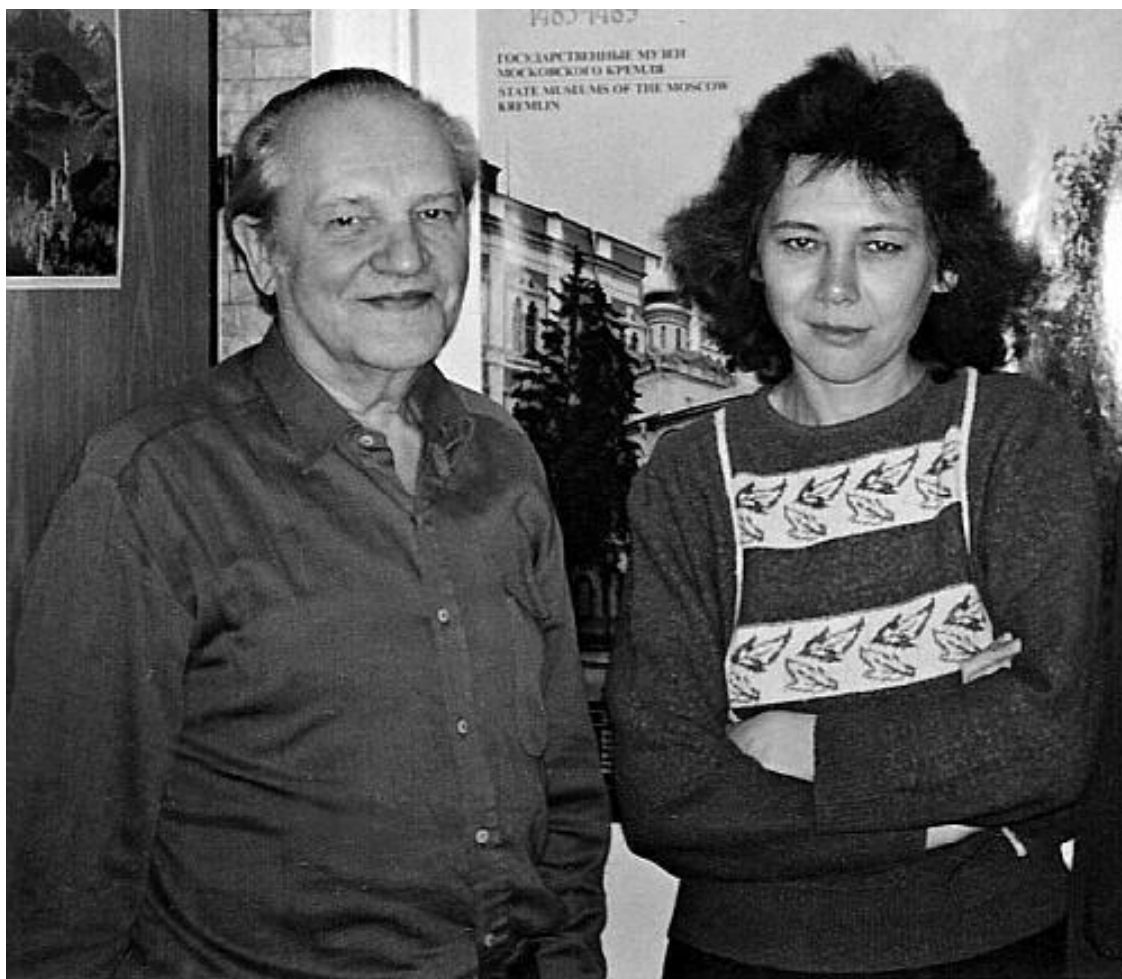
о. Евгений Бобков

Михаил Иванович Чуванов

А отец Евгений объявился с новым предложением: принес «показать» пожелтевшую рукопись в школьной тетрадке 1920-х и две почтовые открытки того же времени. Это была вторая часть воспоминаний епископа Андрея, князя Ухтомского и его краткие послания духовным детям – все, что имелось на то время у о. Евгения. Но он жаждал знать все об этом выдающемся иерархе русской Православной церкви, искренне стремившемся к единению со старообрядчеством.

Е.А. Бобков был обременен многочисленными общественными и семейными обязанностями, но, разбудив мой исследовательский интерес, разумеется, не оставил мою работу без внимания: всячески вдохновлял, советовал, подсказывал и даже провел несколько уроков по чтению на старославянском языке. Познакомил меня с ответственным секретарем «Журнала Московской патриархии» и главным редактором «Богословских трудов» *Евгением Алексеевичем Кармановым*. Тоже наш сосед... Здесь мне был подарен самоучитель иврита, вывезенный хозяином из паломнического путешествия по Святой Земле Израиля в 1963 году. Е.А. Карманов – кандидат богословия, великий библиограф и знаток прошлой истории православия на Руси и нынешнего его состояния в Советском Союзе, был одним из важнейших кураторов моей работы. А его супруга Надя – наборщиком и корректором.

Евгений Алексеевич и Надежда Кармановы

Евгений Алексеевич снабдил меня машинописной копией многотомного справочника митрополита Куйбышевского Мануила (Лемешевского), где тот собрал и обработал сведения о русских православных иерархах конца XIX – середины XX веков, предоставил другие справочники и энциклопедии, многое объяснил и прояснил, а однажды молча передал небольшую подборку машинописных копий рукописей-текстов, где упоминался епископ Андрей: «Вышел на днях на обеденный перерыв, а на столе – вот это». Время было такое – источники лишний раз не упоминались.

* * *

Началась работа. Сначала газеты и журналы: церковные, антирелигиозные и светские. Книги и воспоминания о революции и Гражданской войне, многочисленные публикации типа журнала «Безбожник», брошюры и агитки. Шоком было знакомство с газеткой Казанской ЧК «Красный террор» с призывом к убийствам и списком уже расстрелянных. Потекли материалы самиздата и «тамиздата».

Параллельно шли поиски документов, но не в государственных недоступных архивах. Ведь были и архивы частные. И один из них находился у меня дома: архив известного в 1960–1970 годы писателя *Марка Поповского*, который он передал мне перед своей эмиграцией в 1977 году. Среди прочего он готовил книгу «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга», впервые изданную уже за пределами СССР. А врач и будущий епископ Лука работал в Ташкенте в то время, когда там находился в ссылке епископ Андрей. Я достал папки с материалами к будущей книге: есть свидетельства о том, что еп. Андрей не только постриг юного врача в монахи, но и рекомендовал возвести его в епископское достоинство. А еще там было

несколько адресов и телефонов духовных дочерей епископа-хирурга. Стал обзванивать – почти все безрезультатно, кроме одного случая: пожилая дама, откликнувшаяся на мой звонок, лишь мельком видала епископа Андрея, но преподнесла мне телефон своей подруги, которая много лет была почитательницей и духовной дочерью уфимского владыки. Звали ее *Ромодановская Ольга Петровна*, и жила она в Уфе. Она ответила на мой звонок и (после долгих уговоров) согласилась меня принять. Я отправился в Башкирию. Помню только, что видел реку Белую и памятник Салавату Юлаеву: самое «открыточное» место, ни на что больше времени не хватило. И был долгий разговор с гостеприимной хозяйкой, рассказавшей, что лишь несколько раз присутствовала на службе и потом беседовала с епископом. Говорила, что большего человека она в жизни не встречала. Но никаких документов не сохранилось – вот только фотография иконы, «которую он мне подарил». Все.

Переночевал я в ее квартирке и ни с чем отправился восвояси – домой в Москву. А через день звонок из Уфы: вы у меня тапочки забыли, а это знак, что вернетесь – так что приезжайте за тапочками и еще кое-что покажу. Во второй раз я выехал из Уфы, бережно прижимая портфель с 65-ю письмами и открытками владыки, его фото и фото пяти девушек-подружек («жены-мироносицы – смеялся мой покойный муж», вспомнила Ольга Петровна).

Окрыленный, я отправился в город Куйбышев: митрополит Мануил умер в 1965 году, а на кафедре находился его ученик и преемник *архиепископ Иоанн (Снычев)* – он же был и наследник архива. Владыки не оказалось в городе, но в епархиальном управлении дали адрес его дачи. Я и нагрянул: без предупреждения и без рекомендаций: «Здравствуйте, я пишу историю жизни Вашего расстрелянного большевиками коллеги. Дайте материалы!»

Дачная беседка, солнышко, птички поют, чай пьем: православный епископ в цивильном и чернобородый еврей. Очень мягкий отказ – ничего нет специфического, все материалы использованы в справочнике Мануила.

Я тоже был мягок и вкрадчив, но настойчив – рассказал владыке историю с тапочками. Он «испугался» моего второго прибытия, растаял, ушел в дом и тут же вынес нечто книжное в самодельном переплете. Это было более сотни страниц перепечатанных на машинке материалов касательно епископа Андрея – но вторая копия. Подарил и пожелал успеха (благословил явного иноверца).

Епископ Иоанн впоследствии в сане митрополита Ленинградского/Санкт-Петербургского прославился как духовный глава российских юдофобов. Памятуя о нашем общении в конце 1970-х, – не верю, думаю, что окружение престарелого иерарха действовало его именем.

Большинство документов приходилось перепечатывать самому – на воспетой А. Галичем портативной пишущей машинке «Эрика», подаренной мне родителями – они же были и единственными (частичными) «спонсорами проекта». По нынешней терминологии. Но родители абсолютно не подозревали, чем я занимаюсь: удовлетворялись любованием статьями, которые я изредка публиковал в газетах и журналах.

Продолжая поиски материалов, я приступил к написанию текста и первые куски относил к своему близкому человеку – *Борису Алексеевичу Филиппову*. Рожден в Порхове, закончил Псковский пединститут, аспирантура и защита диссертации по германскому фашизму в Ленинграде³. У нас на втором курсе в Рязанском пединституте стал преподавать всеобщую историю – и мы подружились. Особенно после того, как меня выгнали с пятого курса за иудейскую религиозную свадьбу – хупу. Он и был одним из главных способствовавших моему первоначальному образованию как историка: принудил читать монографии, прочесть весь «Новый мир» шестидесятых годов, доставал билеты на Таганку. У него я писал курсовую и в процессе написания работы о Первом Интернационале, прочтя гору литературы, научился сравнивать

---

³ Он и сам недавно опубликовал нечто вроде небольших мемуаров под названием «О моих учителях». См.: *Филиппов Б.А.* Очерки по истории России: XX век. М., 2009. С 649–656.

различные идеологии – марксизм, анархизм, немецкий социализм и российский большевизм. Хорошая школа. Борис Алексеевич был и первым читателем глав об епископе Андрее, а затем и всей рукописи.

Борис Алексеевич Филиппов

В начале олимпийского 1980 года я передал свою рукопись *Наде Кармановой*, которая и перепечатала ее в количестве 7 экземпляров. Бывший мой школьный ученик *Боря Якеменко* (в 1970-х я одно время преподавал в люберецких школах) сделал 7 комплектов фотографий и даже переплел – получилась как бы книга. И она пошла по рукам.

Прочли ее Борис Андреевич Успенский – филолог, знаменитый семиотик; Борис Ремович Лопухов – ведущий специалист по итальянскому фашизму; живший в Америке богослов и историк церкви о. Иоанн Мейендорф; друзья и их друзья. Е.А. Бобков запустил как в свои старообрядческие круги, так и в среду научную.

Неожиданно позвонил некто: на английском языке попросил о встрече. Встретились в парке в Сокольниках. Оказывается – ученый из США, приехал на две недели работать в архиве, меннонит. Привез письмо от священника Виктора Потапова с радиостанции «Голос Америки»: тот просил разрешения зачитать куски «книги» в эфире. Я – конспиратор – дал согласие устно. Американец-меннонит – не конспиратор – любезно предложил довести меня до метро: «Мой друг, военный атташе американского посольства, одолжил мне машину». Я поежился и как мог более вежливо отказался.

Позвонил (явно по наводке Е.А. Карманова) сотрудник Издательского отдела Московского патриархата *Валентин Арсентьевич Никитин* – предложил поместить один экземпляр рукописи в их библиотеку: «Мы у Вас берем как бы для подготовки к публикации, платим гонорар; но печатать *пока* не будем». Взяли, поместили, заплатили «гонорар». Рукопись, подписанная фамилией «Зеленогорский», стала доступна читающим массам.

о. Георгий Эдельштейн

Дальнейшая история рукописи такова. В 1989 году я помог образоваться первому крупному частному издательству «Терра» и, вероятно, в благодарность хозяин издательства – *Сергей Кондратов* – решил издать книгу о епископе Андрее. Я уже жил тогда в Израиле и кто-то из друзей передал в «Терру» один экземпляр. Быстро набрали, может быть, даже сделали легкую корректуру. Фамилия автора – «М. Зеленогорский», посвящение «Б.А.» – зимой 1991 года советская власть еще числилась в живых. Гранки, разумеется, мне никто не показывал. В мягкой обложке на желтой бумаге, тиражом 50 тыс. экземпляров – книга пошла в народ и довольно быстро даже по тем временам разошлась. Через год мне отыскивали несколько экземпляров только в подмосковном сельском книжном магазине.

С осени 1992 года я руководил Еврейским университетом в Москве. У нас преподавали академики и профессора, моим заместителем был доктор исторических наук, а я не остепененный. «Мои» проректоры *Аркадий Ковельман* и *Софа Шуровская* решили превратить начальника в кандидата наук – чтоб не стыдно было за ректора. Софа взяла на себя логику в оформлении документов, Аркадий нашел научного руководителя – проректора (тогда; с тех

пор он стал ректором) РГГУ проф. *Ефима Пивовара*, который дал немало ценных советов по защите диссертации.

Я честно сдал экзамены академического минимума – особенно запомнилась долгая и обстоятельная беседа на английском языке о старообрядцах и ситуации на Ближнем Востоке с очаровательной дамой – зав. кафедрой английского языка РГГУ. Мой давнишний редактор и друг *Владимир Владимирович Нехотин* помог составить вполне по советским меркам проходимый реферат⁴ по книге (отдельного текста этой диссертации не существует).

И со второй попытки я защитился. Диплом мне выдали как иностранцу и назвали «Ph.D».

* * *

По прошествии многих лет оказалось, что новое поколение староверов, исследователей, занимающихся историей России, просто читающих – хотят нового издания: расширенного и дополненного. И мне, конечно, хотелось что-то добавить, исправить, «раскрыть псевдонимы». Обнаружились новые материалы – прежде всего первая часть воспоминаний владыки и выборочные протоколы его допросов.

Осенью 2008 года мы вместе с В.В. Нехотиным, фактическим соавтором новой версии книги, съездили в Рыбинск, посетили мемориальный дом семьи Ухтомских, а директор местного музейного комплекса предоставил изобразительные материалы для нового варианта книги, – которая теперь более чем вдвое выросла в объеме относительно первого издания, составленного еще в конце 1970-х.

Всем вышеперечисленным – моя большая благодарность.

---

⁴ *Гришберг, Михаил Львович. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского): (Из истории рус. православ. церкви XX в.): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н.: (07.00.02) / Моск. гос. открытый пед. ун-т. – М., 1995. – 27 с.*

Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)

Глава первая Корни

Моему первому учителю истории – Борису Алексеевичу Филиппову

Задача данной работы – проследить жизненный путь епископа Андрея (Ухтомского). В перипетиях судьбы, в духовных исканиях и практической работе этого иерарха нашли свое воплощение основные проблемы, во всей полноте своей вставшие перед православием в первой трети XX века.

С 1991 года, когда увидело свет первое издание этой книги (а написана она была еще раньше – к середине 1980-х, большей частью по материалам, хранившимся у покойного старообрядческого протоиерея Евгения Алексеевича Бобкова), появилось труднообозримое количество исследований и публикаций по истории российского православия в пореволюционные годы. Среди тех, которые касаются нашей темы, следует в первую очередь назвать документальную повесть «Князь Ухтомский, епископ Андрей» Александра Нежного, успевшего в начале 1990-х получить доступ к материалам нынешнего Центрального архива ФСБ⁵. Представительный блок материалов о еп. Андрее содержит исследование И.И. Осиповой⁶. Особо стоит выделить подготовленные Л.В. Соколовой с соавторами три тома⁷, представляющие гуманитарное наследие младшего брата епископа Андрея, академика-физиолога Алексея Ухтомского, и подготовленный Н.П. Зиминой фундаментальный двухтомник «Путь на Голгофу», посвященный жизни первого в России единоверческого епископа Симона (Шлеева), в том числе церковно-общественной жизни Уфимской епархии в 1920-х, с тематически примыкающим к ним исследованием об уфимских викариях – ставленниках и соратниках владыки Андрея⁸. Наконец, нужно упомянуть новейший каталог русских архиереев, кумулирующий разыскания нескольких поколений историков, начиная с М.Е. Губонина и митрополита Мануила (Лемешевского)⁹.

---

⁵ Первая публикация: Звезда. 1997. № 10. Ниже мы везде будем ссылаться на книгу А.И. Нежного «Допрос патриарха» (М., 1997), куда повесть о еп. Андрее вошла в качестве четвертой главы. К сожалению, дело владыки Андрея из ЦА ФСБ во всех ее изданиях фигурирует под номером то «Н4296», то «42968»; возможности же уточнить причины подобного разнобоя нам не представилось. Изучавший эти материалы десятилетием позднее священник Александр Мазырин вообще ссылается на «Следственное дело по обвинению епископа Андрея (Ухтомского) 1928 года» («ЦА ФСБ. Д. Р-40748». См.: Мазырин А., иерей. Высшие иерархи о преемстве власти в Русской Православной Церкви в 1920-х – 1930-х годах. М., 2006. С. 412.

⁶ Осипова И.И. «Сквозь огонь мучений и воды слёз...»: Гонения на Истинно-Православную Церковь по материалам следственных и лагерных дел заключенных. М., 1998. С. 240–250.

⁷ Ухтомский А.А. Интуиция совести: письма, записные книжки, заметки на полях. СПб., 1996; Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник: этика, религия, наука. Рыбинск, 1997; Ухтомский А.А. Доминанта души: из гуманитарного наследия. Рыбинск, 2000.

⁸ Зиминая Н.П. Жизнеописание священномученика Симона, епископа Охтенского. М., 2005 (Путь на Голгофу. Т. 1); Духовное наследие священномученика Симона, епископа Охтенского / Сост. Н.П. Зиминой. М., 2005 (Путь на Голгофу. Т. 2); Зиминая Н.П. Викарии Уфимской епархии 1920-х годов: священномученик еп. Вениамин (Троицкий; 1901–1937) // XIV Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы 2004 г. М., 2005. С. 323–349.

⁹ История иерархии Русской православной церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. / М.Е. Губонин, П.Н. Грюнберг и др. М., 2006. Классический для своего времени труд митр. Мануила «Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно)» (Куйбышев, машинопись) так и не увидел света в России, существует только его немецкое издание: Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von mitropolit Manuil

В новом издании нашей книги использованы также материалы А.Г. Дурнова, А.В. Знатнова, Н.Н. Бикташевой, Л.В. Соколовой, Д.О. Черношвитова, И.Е. Алексеева, свящ. Андрея Бермана (Бессарабская митрополия Румынской Православной Церкви), свящ. Алексея Лопатина (РПСЦ), покойного древлеправославного епископа Богородского и Суздальского Антония (Баскакова).

В период церковных раздоров представители различных течений обращали свое внимание на деятельность еп. Андрея, что отразилось в многочисленных писаниях, носящих чаще всего полемический характер. Светская атеистическая литература, характеризуя владыку, ограничивалась цитированием его высказываний конца 1917 – начала 1918 года, однако и здесь удавалось обнаружить некоторые сведения о соратниках архиерея и церковной жизни в тех районах страны, куда судьба забрасывала епископа.

Особо ценным материалом является рукописное наследие еп. Андрея, любовно хранимое многие годы его почитателями. Здесь тетрадь воспоминаний «История моего старообрядчества», размышления о некоторых моментах церковной истории в России, оценка современного владыке состояния православия, письма к единомышленникам и духовным последователям. Немногочисленны, но несомненно ценны воспоминания о владыке его духовных детей – любовь к нему они донесли до наших дней.

Обратимся к историческим документам, которые помогут представить родовую среду, откуда вышел владыка Андрей – в миру князь Александр Алексеевич Ухтомский.

Потомок Рюрика в двенадцатом колене князь Глеб Васильевич получил в середине XIII века удел на Бело-озере. Через несколько поколений от него¹⁰ князь Иван Иванович Каргопольский стал владельцем удела на реке Ухтоме (бассейн Шексны), название которой и дало имя княжескому роду, о котором в «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийския империи» сказано:

3. Герб рода князей Ухтомских. В щите, имеющем голубое поле, изображены: золотой крест, под ним серебряная луна, рогами вверх обращенная, а в нижней части щита две серебряные рыбы, плавающие крестообразно в реке. Щит покрыт мантией и шапкой, принадлежащими княжескому достоинству. Род князей Ухтомских происходит от князей Белозерских. В родословной князей Белозерских, находящейся в Бархатной и других родословных книгах, показано, что праправнук Великого князя Владимира Святого, крестившего русскую землю, Великий князь Всеволод Юрьевич посадил своего сына Константина на княжение в Ростове. Сын того князя, князь Василий, имел сына князя Глеба и посадил его на уделе на Бело-озере. У правнука одного князя Глеба Васильевича, князя Василия Романовича был внук князь Иван Иванович Ухтомский, коего потомки князя Ухтомские многие, как Российская история показывает, служили Российскому престолу стольниками и в иных знатных чинах и жалованы были от государей поместьями и другими знаками монаршей милости. Все сие доказывается, сверх истории Российской, Бархатною книгою, справкою разрядного архива и родословною князей Ухтомских»¹¹.

(Lemesevskij). Bd. I-VI. Erlangen, 1979–1989.

¹⁰ См.: Родословная. Из записки, данной кн. Э.Э. Ухтомским // *Ухтомский А.А.* Доминанта души. С. 11–14; *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Кн. 1. СПб., 1886 [репринт – М., 1991]. С. 207–219.

¹¹ Общий гербовник дворянских родов Всероссийския империи, начатый в 1797 году. [СПб., не позднее 1809]. Часть IV, №3.

Князь Василий Большой Иванович Ухтомский стоял воеводой в Казанском походе, где показал особое мужество и воинское умение»¹²; князья Иван Юрьевич и Федор Петрович отличились при взятии Казани в 1552 году; представители рода были воеводами в Полоцком походе 1551 года, в том же году Ухтомские были отмечены за доблесть, проявленную при осаде Дубровны; в годы Смутного времени сражался с «воровскими шайками» самозванцев около Хлынова (Вятки) князь Михаил Федорович; в 1664 году восемь братьев Ухтомских погибли в бою у местечка Конотоп в битве с поляками и запорожцами. Ухтомские выступили на стороне князя Хованского в годы раскола русской Церкви в XVII веке, и в дальнейшем в этом роду были сильны симпатии к старообрядчеству.

Из этого рода вышел знаменитый русский архитектор Дмитрий Васильевич Ухтомский, основавший в 1742 году московскую архитектурную школу и воспитавший таких выдающихся зодчих, как А.Ф. Кокоринов, В.И. Баженов, М.Ф. Казаков и др. Наиболее известным из созданного Д.В. Ухтомским стала колокольня Троице-Сергиевой лавры. В XIX веке в роду вновь обладали военные традиции: дядя будущего епископа князь Леонид Алексеевич – адъютант Нахимова, впоследствии сам адмирал, оставивший интересные мемуары; две тетки были замужем за морскими офицерами – участниками Севастопольской обороны; другой дядя-адмирал – участник обороны Порт-Артура. Отец, Алексей Николаевич, десять лет прослужил на флоте и пожелал, чтобы оба его сына – Александр и Алексей – учились в том же Нижегородском кадетском корпусе, который закончил он сам и его братья.

На рубеже XIX и XX веков Ухтомские усиленно занимаются этнографией; по крайней мере, мы находим четырех представителей фамилии, посвятивших себя этому предмету. Особенно выделяется в этот период Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921) – редактор «Санкт-Петербургских ведомостей», этнограф, поэт, публицист; будучи наставником цесаревича Николая Александровича, сопровождал того в поездке по Дальнему Востоку, о чем издал роскошный многотомник «Путешествие наследника цесаревича на Восток в 1890–1891 гг.». Эспер Эсперович поддерживал тесные контакты с еп. Андреем, широко освещал его деятельность на страницах своей газеты и помещал статьи самого владыки.

По воспоминаниям ученицы академика Ухтомского А.В. Казанской, «древностью своего рода он очень гордился. Показывал нам выписки из древних архивов и летописей, по которым можно было установить, что род его идет чуть ли не от легендарного Рюрика, а по женской линии от татарского завоевателя Чингисхана. Алексей Алексеевич говорил, что последний факт записан даже в каких-то азиатских летописях, чуть ли не в Тибете. И когда Эспер Эсперович в своих путешествиях попал в те места, то встречали его там с великим почетом, как потомка древнего рода, и провозили через какие-то золотые ворота, через которые простые смертные проходить не могут»¹³.

Потомки князя Глеба Васильевича от его брака с дочерью хана Сартака, в крещении Феодорой, действительно принадлежат одновременно и к Рюриковичам, и к Чингизидам. Хорошо знавший семью Ухтомских по Рыбинску писатель и краевед А.А. Золотарев (1879–1950) писал о «богатеишей, по отцовской линии, наследственности» братьев Александра и Алексея: «и святых, и мучеников, и строителей Земли русской – политиков, дипломатов, гражданских воевод и военачальников»; «со стороны матери, урожденной Черносвитовой», они будто бы наследовали в себе «еврейскую кровь», «древнейшую и богоизбранную... С другой стороны, через Глеба Васильевича, женатого на татарке-чингизханочке, все Ухтомские наследовали себе татарскую кровь»¹⁴. Но, как уточняет современный комментатор, замечания А.А. Золотарева о «еврейской крови» братьев недостоверны: их мать Антонина Федоровна (1847–1913) – урож-

---

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 3. М., 1960. С. 68.

¹³ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 467.

¹⁴ Там же. С. 440–441.

денная Анфимова, а не Черносивитова; Михаил Александрович Черносивитов¹⁵ был ее отчимом, так что кровного родства между Ухтомскими и ярославскими дворянами Черносивитовыми нет¹⁶.

Александр Алексеевич Ухтомский – старший сын в семье – родился 26 декабря 1872 года¹⁷ в селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии, примерно в 15 верстах к северу от Рыбинска. Его отец Алексей Николаевич (1842–1902), уйдя в отставку с флота, некоторое время служил в канцелярии ярославского губернатора, – но, обладая неуживчивым характером и привычкой говорить правду в глаза даже начальству, долго в государственных учреждениях не удержался и принялся за улучшение быта крестьян своего родового поместья на речке Восломе.

Младший из братьев оставил необычайно поэтические описания этих мест: «родная моя сторонущка, где Бог привел родиться на берегу заволжской извилистой речки Восломки, что бежит чрез краснолесье, чрез поля, покрытые зарослью, и отдает свою чистую воду Ухре, а Ухра – Шексне, а Шексна пала уж в самую матушку Волгу. Там же Бог привел и духовно родиться, воспитаться, мыслью вдохновиться, – там все на волжских берегах и в вожско-окинской долине»; «...я вдруг собрался, надел котомку и ушел в родные заволжские леса, на родину... где родились и умерли несколько поколений моих родичей... И великий душевный покой сошел ко мне, когда я углубился в дремучий арефинский лес, ночевал в его глубине, чувствовал эту благодать заволжской пустыни, которая привлекала с незапамятных времен русских людей, ищущих Христова мира... преподобный Нил Сорский... старцы Андриан Пошехонский, Севастиан Сохотский и другие... Журчит по-старинному родная речка Восломка... все бежит и все журчит, как в день, когда я родился на ее берегу в 1875 году, и когда родился мой отец в 1842-м, и тетя в 1832-м, и дед Николай Васильевич в 1806-м, и когда поселились на ней первые Ухтомские, приблизительно при Грозном Царе...»¹⁸.

Однако, как вспоминал старший сын, в Восломе «отец ухитрялся так хозяйничать, что аккуратно ежегодно получал убытки, и, если случалось ему получить неожиданную прибыль, то он своим работникам выплачивал прибавки»¹⁹. Детей своих Алексей Николаевич воспитывал в страхе Божиим, сам воспринимая Господа лишь как Владыку мира. Но дети были благодарны отцу за воспитание в них чувств ответственности и долга.

«Мать Антонина, – вспоминал владыка Андрей, – была идеально добрая женщина... она никогда ни словом ни делом [никого] не обидела и мало того – ей приходилось иногда сглаживать и исправлять те резкости в отношении к людям, которые позволял себе отец, и всегда являлась каким-то ангелом-утешителем, общей любимицей... Она чистым сердцем любила Бога Отца и верила просто, что Он и ее молитвы не может отвергнуть. Это давало ее молитве искренность и напряженность»²⁰. Известно, что Антонина Федоровна принимала участие в

---

¹⁵ Бабушка владыки Андрея и академика Ухтомского по материнской линии Анна Петровна вышла замуж за Федора Михайловича Анфимова, от этого брака у них было трое детей: Михаил, Петр и Антонина. В 1848 г. Ф.М. Анфимов умер, а четыре года спустя Анна Петровна вышла замуж за М.А. Черносивитова. От этого брака у Анны Петровны родилось еще четверо детей: Александр (р. 1857), Людмила (р. 1855), Евгения (р. 1858) и Леонид (р. 1861). Из детей Леонида Михайловича известны (см.: http://chernosvitov.ru/PIC/TotalTree_010.jpg) офицер лейб-гвардии Московского полка Владимир (р. 1884), Михаил (р. 1885), Георгий (р. 1886 или 1887) и Мария (р. 1888). Останавливаемся на этом потому, что к концу 1990-х доступ к материалам ЦА ФСБ о вл. Андрее был закрыт по настоянию психиатра Евгения Васильевича Черносивитова, объявившего себя «потомком [так!] князей Ухтомских – академика Алексея Алексеевича и отца [так!] Андрея Уфимского, патриарха каткомбной Церкви в СССР» (см.: <http://chernosvitov.narod.ru/main.html>). Среди предков вл. Андрея по женской линии были представительницы таких родов, как Бобоедовы и Ащерины (см.: www.melentyev.ru/gedcom/default.htm?page=I119.htm).

¹⁶ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 441, прим.

¹⁷ Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю; после – по новому (за исключением специально оговоренных).

¹⁸ Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 33, 87, 89.

¹⁹ Краткое жизнеописание епископа Уфимского Андрея, записанное игуменом Илией от христианки Шаминой Елены Ивановны (отрывки рукописи; 11 машинописных страниц).

²⁰ Там же.

миссионерской работе сына-монаха, жертвовала на создаваемые им монастыри в Казанской губернии, а накануне своей кончины значительную часть состояния завещала Церкви.

В сохранившихся отрывках воспоминаний еп. Андрея, составленных, по-видимому, в начале 1920-х, владыка с особой любовью и признательностью вспоминает няню Манефу Павловну – бывшую крепостную, до конца дней своих жившую в доме Ухтомских: «С ее молитвенного шепота я и выучил свои первые молитвы... запомнил и весь ее запас догматических познаний. Я уже архиереем говорил неоднократно проповеди на темы, заимствованные из мудрых наставлений моей няни»²¹.

* * *

После пятого класса гимназии Александр Алексеевич Ухтомский поступил в 1887 году в Нижегородский имени графа Аракчеева кадетский корпус, а после успешного окончания его был принят в Московскую духовную академию (МДА).

Такая резкая перемена в судьбе во многом объясняется знаменательным событием – встречей с Иоанном Кронштадтским на волжском пароходе, когда мать везла сыновей на каникулы домой. Отец Иоанн долго беседовал с Александром и Алексеем, после чего они оба приняли одинаковое решение – Алексей после окончания корпуса также поступил в МДА, неизменно был там среди лучших студентов и был выпущен со степенью магистра богословия.

Впоследствии молодой иеромонах Андрей часто встречался с о. Иоанном, вел с ним переписку, а позже – вспоминал в своих проповедях и статьях.

О впечатлении, которое производил о. Иоанн, можно составить некоторое представление по воспоминаниям Владислава Ходасевича, который в 1895 году, в десятилетнем возрасте, в тех же местах под Ярославлем встретил знаменитого пастыря:

В конце лета приехал на Толгу Иоанн Кронштадтский. Под вечер толпа народу встречала его на берегу и провожала в монастырь. На следующее утро служил он обедню – меня с другими детьми поставили впереди. В тот же день, часа в четыре, я, по обычаю, побежал в парк, о. Иоанн шел с настоятелем и о. Александром. Он благословил меня и спросил, как зовут. Он держался необыкновенно просто и куда менее осанисто, чем многие из знакомых мне монахов. Такое же простое было у него и лицо – оно показалось мне очень женственным и деревенским, и мне было странно, что он окружен таким почтением. К вечеру он уехал. Толпа народа вновь собралась на берег с иконами и хоругвями. Пароход отчаливал, было ветрено и прохладно. Отец Иоанн стоял на корме, ветер трепал его рясу и волосы. Так продолжалось, пока пароход не ушел совсем далеко. Толпа не двигалась. Было так тихо, что слышался плеск воды, набегавшей на берег, и так прекрасно и грустно, что я заплакал.

Так Ходасевич завершает автобиографический очерк «Младенчество»²².

В своем «изложении истории жизни епископа Андрея», написанном уже много позже его гибели, летом 1944 года, А.А. Золотарев сообщает: «В гимназические годы неудачная отвергнутая любовь (порою кажется в какой-то минимальной степени и справедливым рыбинское «мещанское» местное объяснение исхода в монашество и в безбрачие обоих братьев Ухтомских, что им не было ровни в Рыбинске, что они не могли себе найти по сердцу спутницы жизни), после окончания Академии разрыв с друзьями-приятелями (у меня в памяти сохранился отрывок товарищеского разговора, надолго разведшего Сережу²³ и – уже! – архимандрита Андрея в разные стороны друг от друга: на типичные для русского поповича – в данном

---

²¹ Там же.

²² Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 209.

²³ Сергей Алексеевич Золотарев (1872–1941), брат мемуариста, историк литературы, профессор ЛГУ.

случае нашего Сережи – укоры своего приятеля, что он оставил мир и ушел, сокрылся «от живой жизни» под монашеским клобуком, будущий епископ ответил: «Лучше под клобуком, чем под башмаком!»²⁴.

Александр Ухтомский в 1891 году успешно сдал многочисленные вступительные экзамены в МДА и был принят в состав юбилейного – пятидесятого – ее курса, почти целиком состоявшего из бывших семинаристов. В переводных списках курса Александр занимал 33–35 места, то есть учился средне и стабильно: в протоколах заседаний Совета МДА ни разу не отмечался ни среди отличившихся (за исключением вступительного экзамена по греческому языку), ни в списках задолжников. Среди преподавателей МДА тех лет следует вспомнить Е. Голубинского, Н. Субботина, В. Ключевского, Н. Каптерева. Первые месяцы учебы инспектором академии был архимандрит Сергей (будущий патриарх), а затем архимандрит Антоний (Храповицкий), контакты с которым будущий епископ Андрей поддерживал долгие годы. И через много лет владыка Андрей с благодарностью вспоминал, что ректор Антоний «всегда твердо воспитывал нас в том взгляде на церковную жизнь, что Церковь должна быть свободной, что Она должна управляться Соборами, что без Соборов церковной жизни нет»²⁵.

В 1895 году Александр Ухтомский пишет курсовое сочинение на тему «О гнев Божием», оцененное экстраординарным профессором А. Беляевым (который в свое время писал сочинение на противоположную тему – «Любовь Божественная») как заслуживающее присуждения его автору степени кандидата богословия. Рецензент отмечал (в журнале «Богословский вестник» за 1896 год): «Сочинение... есть первый в русской богословской литературе опыт обширного исследования о гневе Божием. Должно добавить, что даже иностранная литература не изобилует сочинениями об этом предмете... Отсюда видно, что исследование этого предмета сколько желательно, столько же затруднительно. Г. Ухтомский взялся за такой труд и выполнил его не без успеха. Источником ему служили – Священное Писание и творения святых отцов, большею частию из тех, которые переведены на русский язык, а пособиями сочинения русских богословов, как то: епископа Феофана, протоиерея Иоанна Сергиева, профессоров: Ф.А. Голубинского и А.Д. Беляева и других. В изучении материала автор обнаружил значительное усердие, и сочинение его показывает, что он занимался своим предметом с любовью. Благодаря этим хорошим качествам он, несмотря на разбросанность материала, сумел выработать, провести и по возможности обосновать свой взгляд на гнев Божий. По его мнению то, что называется гневом Божиим, есть проявление Промыслительного отношения Бога к грешникам и страдание человека от греха... Он раскрывает свой взгляд положительно, не вдаваясь в пространные опровержения несогласных с ним взглядов и ограничиваясь упоминанием о них и краткими замечаниями против них. Главный недостаток сочинения в том, что г. Ухтомскому не удалось выработать строгого плана, отчего материал как бы разбросан по сочинению, тесной связи между частями не установлено и мысли не везде изложены с логическою последовательностью».

Позже примерно две трети этой работы были опубликованы²⁶.

14 июня 1895 года Александр Ухтомский написал заявление, в котором высказал желание служить по учебно-духовному ведомству, на что в отношении канцелярии обер-прокурора Св. Синода от 15 ноября 1895 года за №6892 было определено: «По утверждению г. Синодальным Обер-Прокурором, 9 текущего ноября, доклада Учебного Комитета при Святейшем

²⁴ *олотарев А.А.* Campo Santo – кладбище моей памяти: Образы усопших в моем сознании. Том XI-й. Запись №368: Архиепископ Андрей (Александр Алексеевич князь Ухтомский) // РГАЛИ. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 85 (другую публ. см.: Новая Европа. 1996. №9. С. 43–46).

²⁵ Краткое жизнеописание епископа Уфимского Андрея, записанное игуменом Илией...

²⁶ Отзыв: Богословский вестник. 1896. №4. Отд. V. С. 208–210; публикации: *Андрей, архим.* О любви Божией на страшном суде Христовом. Казань, 1904 (прил. к №5 журнала «Деятель»); *Андрей, архим.* Истолкование библейских изречений об искуплении человека. Казань, 1904 (прил. к №8 журнала «Деятель»).

Синоде, кандидат Московской Духовной Академии князь Александр Ухтомский определен учителем по русскому языку в 1-й класс Казанского духовного училища с окладом жалования, положенным учителям из студентов духовной семинарии».

2 декабря 1895 года в Казани Александр Ухтомский был пострижен в монахи с именем Андрея, а 6 декабря рукоположен в иеромонаха. В 1897 году он становится инспектором Александровской миссионерской семинарии, а с 1899 года – наблюдателем Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита.

4 октября 1907 года архимандрит Андрей был хиротонисан во епископа Мамадышского, третьего викария Казанской епархии; это викариатство было учреждено накануне, и еп. Андрей стал первым казанским викарием по делам миссионерства среди мусульман. Хиротонию, которая совершалась в Благовещенском соборе Казани, провели местный архиепископ Димитрий (Самбикин), епископ Нижегородский Назарий (Кириллов) и епископ Пензенский Митрофан (Симашкевич).

С 25 июня 1911 года еп. Андрей возглавляет Сухумскую епархию, а с 22 декабря 1913 года он епископ Уфимский и Мензелинский.

Вся жизнь епископа Андрея в основном проходила в тех районах России, где христианство сталкивалось с мусульманством и язычеством²⁷, – это во многом определило его миссионерскую работу и борьбу за чистоту православия, что в конечном счете привело владыку к деятельности, направленной на обновление и возрождение Церкви, не первый век находящейся под напором чуждых ей верований и идей.

---

²⁷ Одним из результатов этой работы стал справочник: Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама / Под ред. еп. Андрея и Н.В. Никольского. Казань, 1912. Никольский Николай Васильевич (1878–1961) – первый чуваш, получивший ученую степень магистра (1913 г., диссертация «Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII вв.: Исторический очерк»). В советское время преподавал в вузах Казани.

Глава вторая

На путях обновления церковно-общественной жизни

Осмысливая жизнь епископа Андрея, можно заключить, что уже в начале своего пастырского служения он сформировался как цельная натура и в основе его мировоззрения лежали воспринятые сердцем и умом идеи православия. Внутренняя убежденность была непоколебима, и все силы были отданы церковно-общественной деятельности: епископ активно включился в миссионерскую работу и всю жизнь оставался распространителем и проповедником тех начал христианской жизни, которые считал основой человеческого бытия.

Разумеется, не следует представлять картину жизни епископа Андрея как прямой путь, свободный от колебаний и отступлений, но основные моменты трансформации его идей были вызваны внешними проявлениями общественной и церковной жизни России, в то время как внутренний мир владыки оставался устойчивым комплексом ранее пережитой и воспринятой им идеи православия.

Каков же круг проблем, в границах которого трудился еп. Андрей до 1917 года, то есть до того времени, когда события революции глубоко преобразили структуру общественной жизни России и изменили условия приложения активности епископа?

1

В церковно-общественной жизни русского православия синодального периода епископ Андрей не находил почти ни одного светлого пятна; «элемент Божественный в Церкви вечно жив и не может быть нарушен», писал он, но «нельзя не согласиться, что человеческая сторона церковной жизни извращена до самой последней степени»²⁸. Если Церковь еще жива, считал он, то лишь благодаря отдельным личностям из клира и мирян, посвятившим свою жизнь религиозному подвигу служения христианским идеалам. В середине XIX века – это славянофилы, в первую очередь А. Хомяков и И. Аксаков, на рубеже XIX–XX веков – Иоанн Кронштадтский. Среди современников владыка выделял также архиепископа Антония (Храповицкого), был большим почитателем архимандрита Кирилла (Васильева) – настоятеля Воскресенского монастыря близ станции Любань Новгородской епархии. Важное место в деле сохранения духовности православия еп. Андрей уделял единоверию.

Церковь же как единый организм, по мнению владыки, не выполняла своих функций, не была на это способна в силу почти абсолютного разложения ее организации, от высшего управления до последнего клирика, и полного отсутствия активности основной единицы церковно-общественной жизни – прихода.

Источник подобного положения церковной организации владыка Андрей видел в реформаторской деятельности Петра, учредившего в качестве одного из ведомств государственной власти «высшее церковное управление», ставшее прежде всего органом подчинения деятельности Церкви интересам светского государственного строительства. Суть петровских реформ в этой сфере сводилась прежде всего к учреждению Святейшего Синода, права и обязанности которого были определены в Духовном регламенте, составленном архиепископом Феофаном (Прокоповичем) и изданном 25 января 1721 года. Институт патриаршества в России упразднен, и устанавливалась власть синодального управления. Аргументы в пользу новой системы видели в том, что: а) истина гораздо лучше может быть узнана несколькими лицами, чем одним; б) определение и решение власти соборной авторитетнее, чем власти единоличной; в) простой народ, в случае конфликта государственной власти с церковной, может «по невежеству»

---

²⁸ К верующим сынам Церкви // Уфимские епархиальные ведомости (далее – УЕВ). 1915. №17. С. 725.

стать на сторону последней, и т.п. В качестве представителя государственной власти в Синоде назначался «из офицеров» обер-прокурор, в обязанности которого входили функции контроля и предварительной подготовки решений Синода, «применяясь к инструкции генерал-прокурора Сената»²⁹. Должность обер-прокурора была учреждена 11 мая 1722 года. Первоначально его компетенция скромно определялась как наблюдательная, но очень скоро обер-прокурор превратился в непосредственного руководителя Ведомства православного исповедания, что и было постепенно зафиксировано в законодательных актах первой трети XIX века. Обер-прокурору были предоставлены министерские права, он докладывал непосредственно царю и заведовал канцелярией, хозяйственным управлением и прочими вспомогательными синодскими учреждениями. Он же сосредоточил в своих руках права на назначение должностных лиц, распределение пенсий, пособий и наград по духовно-учебному ведомству.

Один из наиболее авторитетных русских православных иерархов начала XX века архиепископ Антоний (Храповицкий) – он получил наибольшее количество голосов при выборе кандидата на патриарший престол в 1917 году – неоднократно высказывался о бедственных последствиях петровских реформ, считая, что «государственное управление во времена Петра и после, целями чисто внешней культуры и государственной централизации, сузило, обезличило и даже наполовину затмило религиозное сознание и религиозную жизнь православного народа»³⁰. Обер-прокуроров архиепископ Антоний называл «естественными органами порабощения Церкви и ее подчинения светским интересам жизни»³¹. Отмену в начале XVIII века патриаршества он определил как «прямое и ничем не извинительное отступление от основных канонов всей Христовой Церкви»³². Уже на Соборе 1917–1918 годов архиеп. Антоний высказался еще более определенно и резко: назвав царя Петра «великим разорителем Церкви», утверждал, что «с его времени наш церковный строй получил уклон к протестантству»³³.

Глубокая характеристика петровских реформ принадлежит православному мыслителю профессору С.Н. Булгакову, выступившему с докладом о правовом положении Церкви в государстве на Соборе 11 февраля 1918 года: «с Петра же 1-го, когда в отношения между Церковью и Государством вторглась протестантская стихия, в силу которой церковь есть только часть государства, наравне с другими частями государственного механизма... в связи с этим наше церковное самосознание потерпело ущерб, исказилось, приняло уродливый характер, навлекший упрек в цезарепапизме. В основах нашей церковной жизни цезарепапизма нет. Но сами формы церковного управления (подчинение светской власти и синодальный провинциализм, как противоречие вселенскому сознанию Православной Церкви) не соответствуют, противны духу Церкви»³⁴.

Брат еп. Андрея Алексей предпочитал называть «приверженцев синодального исповедания» не цезарепапистами, а «мелхитами»: «нельзя более точно их обозначить, если уж приискивать что-либо соответственное им в древней церковной истории. Мелхиты упоминаются в церковных книгах, в Кормчей, как *особые еретики*. Каптерев доказывает, что это никто иной, а именно та часть православных, которая... опиралась всецело на Византийский Двор, действовала поддержкою Двора и в воззрениях своих имела критерием то, как *смотрит император и двор*»³⁵. Мне кажется, что все это и составляет самую характерную черту синодских, что у

²⁹ Полный православный богословский энциклопедический словарь. Том II. СПб., [1913; репринт – М., 1992]. Ст. 2023.

³⁰ Антоний (Храповицкий), архиеп. Заявление в VI отделе Предсоборного присутствия 19 мая 1906 г. о свободе вероисповеданий. Почаев, 1906. С. 4.

³¹ Восстановление патриаршества. Почаев, 1912. С. 4.

³² Там же. С. 6.

³³ Антоний (Храповицкий), архиеп. Выступление на Соборе по вопросу о патриаршестве // Священный Собор Православной российской Церкви 1917–1918 гг. Деяния (далее – Деяния). Кн. II. Вып. 1–2. С. 289.

³⁴ Булгаков С.Н. О правовом положении Церкви в государстве // Деяния. Кн. IV. Вып. 1. Пг., 1918. С. 11.

³⁵ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники. Изд. 2-е. Сергиев Посад, 1913. С. 81 и след.

них основной критерий: *чего требует и как смотрит начальство*. Не эти ли мотивчики звучали, когда восточные милостынесобиратели и российские Илларионы Рязанские, Питиримы Нижегородские поднимали проклятие, огонь и меч против древнего благочестия? Не та же ли музыка звучала, когда Феодосий Яновский, Феофан Прокопович и т.п. обожествляли «Май-е-стат [Величество (императорское)]» и продавали Христа? Да не та же ли музыка играет и сейчас, не ей ли принадлежит главная «партия», когда звездоносные монополисты Благодати из синодских заседателей решают какое-нибудь дело? Слово «мелхит» производится от еврейского «мелх» – царь»³⁶.

Всеобъемлющая зависимость духовенства от Ведомства православного исповедания и иных государственных органов калечила духовную жизнь, плодила клир, жаждущий должностей, кормящийся от правительства и стоящий в рабской зависимости от него. Клирики были вынуждены искать дополнительные доходы, позволяющие обеспечить приемлемый уровень благосостояния, что, разумеется, отвлекало их от непосредственных обязанностей руководства паствой. Не менее важно, что общение пастырей со своими прихожанами вне храма резко ограничивалось. Священник не жил одной судьбой с паствой, был чужд ее насущным проблемам. Он оказался в подчинении у полицейского исправника и в материальной зависимости от помещика. Всякие попытки обустройства общественной жизни прихода вызывали сопротивление властей, как огня боявшихся любой формы организации народной массы.

Так оценивал состояние церковно-общественной жизни православия еп. Андрей и, чтобы еще более выпукло показать трагичность положения, обращался к примеру старообрядчества: «Почему, действительно, наши раскольники несравненно устойчивее и сильнее в культурном отношении? Именно потому, что раскольники живут приходскою самоопределяющейся общиной, а наша деревня влачит свое существование только по распоряжению начальства. Раскольническую общину объединяет любимый храм или часовня, а нашу православную деревню объединяла до последнего времени казенная винная лавка, а теперь³⁷, кажется, объединяющим началом остался один местный полицейский стражник»³⁸.

Сознание царящего зла и невозможности противодействия ему гасило активность духовенства, порождало безразличие к нуждам паствы и не могло не влечь за собой равнодушие к выполнению своих прямых богослужебных обязанностей. Служба сокращалась, комкалась, теряла свою притягательную и воспитывающую силу. Происходило «обезверивание» (выражение еп. Андрея) прихожан и падение авторитета клира. Духовная жизнь в рамках официального православия не удовлетворяла верующих, и тем самым усиливалась тяга к старообрядчеству и сектантству.

В речи, произнесенной в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 года (вследствие цензурного запрета она была напечатана лишь после революции), владыка Андрей характеризовал печальные последствия подобного положения: «и сверху, и снизу с одинаковой энергией изгонялись все наиболее энергичные, яркие духовные мыслители и деятели... И стали у нас пророчествовать лжепророки, а на Моисеевом седалище хотя и нет книжников и фарисеев, но зато сидят молчаливники, далекие от жизни и не понимающие жизни, а потому и не могущие быть руководителями ее»³⁹.

Таким образом, по мнению епископа, к полному развалу церковно-общественной жизни привели, с одной стороны, цезарепапизм, подчинивший церковь интересам государственной внутренней политики, а с другой – инертность духовенства и отсутствие приходской деятельности.

³⁶ Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 346–347.

³⁷ С началом Первой мировой войны в стране был введен «сухой закон».

³⁸ Речь Уфимского Преосвященного Андрея, произнесенная в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 г. // Заволжский летописец (далее – ЗЛ). 1917. №15. С. 410.

³⁹ Речь Уфимского Преосвященного Андрея... // ЗЛ. 1917. № 15. С. 409.

Однако еп. Андрей не ограничивался критикой современного положения Церкви: владыка выдвинул позитивную программу восстановления ее жизнедеятельности. Его альтернатива заключается в возрождении прихода для охраны в народе нравственных идеалов, церковно-религиозного быта и подъема материального уровня жизни⁴⁰. И хотя в определенные периоды своей деятельности в этом направлении владыка пытался заинтересовать и привлечь к ней государственную власть, все его обращения к властям предрежающим убеждают, что еп. Андрей стремился лишь нейтрализовать администрацию, обеспечить ее невмешательство в процесс, успех которого зависит исключительно от активности и самостоятельности духовенства и прихожан.

Излагая точку зрения еп. Андрея на сущность приходской жизни, приведем мнение по той же проблеме архиеп. Антония (Храповицкого), важное еще и потому, что жизненные пути обоих иерархов были тесно связаны на протяжении многих лет.

Владыка Антоний – также выходец из среды родовитого дворянства, рано посвятивший свою жизнь пастырскому служению. Он был ректором МДА именно в те годы, когда там обучался будущий еп. Андрей. В 1895 году оба они оказались в Казани, а накануне архимандрит Антоний совершил монашеский постриг Александра Ухтомского: нам приходилось держать в руках книгу «Чин пострижения» с надписью «Многолюбимому отцу Андрею с пожеланием исполнить нерушимо обеты. Архим. Антоний. 1895 г. XII, 2»; эту книгу владыка Андрей хранил вплоть до конца 1920-х.

В 1897 году иеромонах Андрей становится архимандритом, а архимандрит Антоний – епископом Чебоксарским, затем в 1899 году – епископом Чистопольским, первым викарием Казанской епархии. С 1900 года еп. Антоний возглавлял уфимскую кафедру, на которой в дальнейшем со всей полнотой развернется деятельность владыки Андрея.

Особо следует отметить тот факт, что еп. Антоний был духовником еп. Андрея и, несомненно, оказывал сильное влияние на своего духовного сына.

Многие высказанные ими идеи идентичны – однако их взгляды на многое диаметрально противоположны. Прежде всего это заметно по воззрениям двоих архиереев на проблему петровской реформы.

Свою точку зрения владыка Антоний высказал в статье, вышедшей в 1909 году, а затем переизданной отдельной брошюрой «Восстановление прихода» (1916). Здесь утверждается, что «с учреждением приходского парламента священник перестает быть духовным отцом и пастырем прихожан, а превращается в общественного приказчика, которому прихожанин «поручает» исполнить требу, а приходское собрание и приходской совет его муштрует, учитывает, отчитывает и по-хозяйски грозит расчетом, т.е. изгнанием»; и далее: «К чему сводится приходская реформа? К внесению в жизнь прихода того начала, которое введено у нас в высшее государственное управление, – начала чисто парламентского, правового»⁴¹. Более того, владыка Антоний уверен, что в жизнь прихода этим будут привнесены формы, методы и идеи классовой борьбы. Его страшит активность масс, которые он представляет корыстолюбивыми, скандальными и погрязшими во множестве пороков, прежде всего в пьянстве. Поэтому еп. Антоний выступает за другой путь оживления прихода: «иное участие в приходской жизни – участие подвигом-трудом, послушанием, молитвой, делами сострадания и взаимного нравственного поучения, где нет борьбы, честолюбий и корыстолюбий»⁴². С другой стороны, и пастырь должен жестко и в соответствии с канонами поступать с ослушниками: молоко в среду –

⁴⁰ О церковно-приходской жизни (Речь к членам Уфимского епархиального съезда духовенства 1916 г.) // УЕВ. 1916. №9. С. 633.

⁴¹ Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление прихода. Харьков, 1916. С. 2, 3.

⁴² Там же. С. 10.

на 2 года без причастия, супружеская измена – на 15 лет, нагрубил священнику – отлучение от Пресвятой Троицы, проклятие и на Иудино место, как предписывает Номоканон⁴³.

Под последним подписался бы и владыка Андрей, однако он не считал возможным ограничиваться лишь призывами к ужесточению церковной дисциплины. Он призывал к объединению усилий клира и мирян, взаимной активизации их работы, освящаемой идеей православия. Владыка не страшился расширения участия прихожан, ибо имел перед собой пример старообрядчества, где активность мирян сочеталась с непререкаемой властью архиерея. По мнению еп. Андрея, неизмеримо должна повыситься ответственность священника за ведение церковной службы. Литургия должна быть поставлена на высоту ее предназначения. Из храма должно быть вытеснено концертное пение, в нем непременно обязана присутствовать проповедь. Пастве надлежит быть непосредственной участницей литургии, для чего священник обязан всячески способствовать повышению духовной грамотности прихожан посредством активной работы церковно-приходской школы, распространения Св. Писания, молитвенников и иной духовной литературы: «В нашем отчуждении от мирян – наша беспомощность, а в нашем единении с ними – вся наша сила и весь залог нашего возрождения»⁴⁴.

Епископ Андрей требует решительного вмешательства клира в общественную жизнь, более того, священник обязан вносить духовное начало во все сферы деятельности прихода, в состав которого должны входить школа, больница, богадельня, библиотека, ремесленное училище и другие учреждения. Именно священник является связующим звеном с внешним (за пределами прихода) миром и возглавляет приходские отделения общественных организаций государственного масштаба. Тем самым вся социальная жизнь протекает под контролем и с благословения настоятеля. Само собой разумеется, что обладание подобной духовной властью требует полной самоотдачи и высоконравственной жизни.

Священник должен пользоваться абсолютным доверием прихожан, а посему, делает вывод еп. Андрей, приход должен обладать правом выбора и смещения своего пастыря. Этому моменту владыка придавал большое значение, разработав подробные рекомендации по акту избрания. В апреле 1916 года были опубликованы «Правила для избрания настоятелей храмов Божиих Уфимской епархии», в предисловии к которым владыка Андрей писал: «Решаюсь просить вашей, братие, помощи в выборе и отыскании таких добрых пастырей, таких рабов Господних, которые были бы приветливы ко всем, учительны, незлобивы, наставляли бы всех с кротостью, чтобы были образцом в слове, в жизни, в любви, в вере, в чистоте»⁴⁵. С июля 1916 года владыка ввел эти правила повсеместно на территории своей епархии.

В трудах еп. Андрея прослеживается четкий план возрождения приходской жизни; позже под его руководством были разработаны и обновленные уставы прихода и объединений духовенства⁴⁶.

В сфере общегосударственного устройства приход рисовался как самостоятельная юридическая единица, пользующаяся широкой автономией во всем, что касается ее внутренней жизни. Воссоздание православного прихода, по мнению владыки, даст объективные шансы грядущему русскому возрождению: «1) усиление влияния Церкви (не духовенства) на всю народную жизнь; 2) полное внутреннее обновление духовенства, усиление нравственного авторитета духовенства; 3) народ, объединенный в приходские организации и получивший нравственные силы от Церкви, скоро определит все вредные на его жизнь влияния и вытолкнет их из своей жизни...; 5) у народа будут собственные средства, которыми он будет располагать

⁴³ Антоний (Храповицкий), архиеп. Восстановление прихода. С. 10.

⁴⁴ О церковно-приходской жизни // УЕВ. 1916. №9. С. 635.

⁴⁵ О Господе возлюбленной пастве уфимской // УЕВ. 1916. №7. С. 218.

⁴⁶ Проект Устава православных приходов в Уфимской епархии // УЕВ. 1917. №9–10. Приложение 2-е. С. 2–10; Проект Устава Союза Уфимского духовенства нравственной и материальной взаимопомощи // УЕВ. 1917. №11. С. 274–279.

и для дел благотворения и просвещения во всех его видах»⁴⁷. Владыка идет даже дальше и рисует картину человеческого общежития в виде союза православных и иноверческих приходов, объединенных вокруг своих храмов.

Анализируя церковно-общественную концепцию еп. Андрея в целом, трудно не увидеть в ней проект практического применения идеологических построений классического русского славянофильства (прежде всего А.С. Хомякова и братьев Аксаковых), но с более ярко выраженной теократической тенденцией.

2

В эпоху Московской Руси проблема взаимоотношений Церкви и государства решалась через идею «усвоения государственной властью священной миссии... Церковь сама шла навстречу государству, чтобы внести в него благодатную силу освящения»⁴⁸. Так, например, когда в конце XIV века князь Дмитрий Донской вступил в конфликт с Церковью в вопросе о митрополичьей кафедре, православное сознание Руси определило его поведение как поход «противу судбам Божиим»: самоволию князя противостояло соборное мнение клира как выразителя общественных чаяний⁴⁹. Напротив, патриарх Никон, пытавшийся в середине XVII века усилить, вопреки традиции и по типу римского католицизма, теократические тенденции русского православия, вызвал ответную реакцию светских властей, что в итоге привело к значительной подчиненности церковной организации интересам государственного аппарата. Однако прежние идеалы Московской Руси были сохранены старообрядцами, а затем, через славянофилов, вновь овладели русской религиозной мыслью рубежа XIX–XX веков.

Еп. Андрей в своих работах весьма критически оценивал последствия реформаторской деятельности царя Петра и весь обер-прокурорский период управления русской Церковью, что говорит о его разочаровании в способности российского государства содействовать возрождению церковной жизни. Но русская Церковь существует в рамках российской государственности, и еп. Андрей стремился определить свое отношение к самодержавию. Из его высказываний можно заключить, что владыка мечтал о такой политической ситуации, когда в управлении страной глава государства опирается на ответственные круги общества.

Проявлением гражданского мужества несомненно были многочисленные резкие выступления владыки против маразмизирующего окружения царя, объективно ведущего страну к гибели. Еп. Андрей публично сожалел о том, что общественное мнение страны пренебрегает церковными вопросами, в то время как на монополию над православием претендуют черносотенные круги, «своими речами только унижая Церковь в стремлении поставить ее в самую полную зависимость от власти государственной»⁵⁰.

Большие надежды владыка Андрей возлагал на земство, а позднее, когда Россия вступила в полосу испытаний, вызванных мировой войной, он видел союзника в Государственной Думе, которая обрела голос накануне катастрофы. Еп. Андрей прямо призывал царя опереться на ответственные силы страны, в противном случае предрекая ему судьбу библейского Ровоама, спутавшего самодержавие с самовластием⁵¹.

Попытки как правой, так и левой печати обвинить епископа в заигрывании с верховной властью не выдерживают критики. Например, «Московские ведомости», ссылаясь на книгу

⁴⁷ О церковно-приходской жизни // УЕВ. 1916. №9. С. 635.

⁴⁸ Загадка епископа Андрея // Вперед (Уфа). 1917. №15. С. 46.

⁴⁹ Прохоров Г.М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 191.

⁵⁰ Речь Уфимского Преосвященного Андрея... в Уфимском земском собрании 19 октября 1915 г. // ЗЛ. 1917. №15. С. 414–415.

⁵¹ О самодержавии «Благочестивейшего» (Слово в день коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1916 г.) // УЕВ. 1916. №10. С. 335.

б. иеромонаха Илиодора (Труфанова) «Святой черт», обвиняли владыку в сотрудничестве с Распутиным: «Епископ уфимский Андрей, до 1908 года друг и приятель Гришки Распутина, которого он называл святым старцем и которого нежно целовал в голову, – епископ Андрей, женскому антуражу которого выразил свое неодобрение даже Гришка Распутин (см.: «Святой черт» Илиодора Труфанова, стр. 47), самовольно... вступает в сношение с главами старообрядческой лжеиерархии, трактует с ними вопрос о соединении старообрядцев с церковью...». Между тем в печатном тексте состоящих в основном из домыслов записок Илиодора вообще нет явных упоминаний еп. Андрея⁵².

А.С. Пругавин в своем антираспутинском памфлете (первое издание появилось в феврале 1916 года под отвлекающим заглавием «Старец Леонтий Егорович и его поклонницы» и было конфисковано военной цензурой) называет владыку одним из немногих людей, выступавших против Распутина⁵³. А вот свидетельство французского посла М. Палеолога: «два духовных сановника, никогда не соглашавшихся мириться с Распутиным, из числа наиболее уважаемых представителей русского епископата: преосвященный Владимир, архиеп. Пензенский⁵⁴, и преосвященный Андрей, еп. Уфимский»⁵⁵. В мае 1917 года газеты сообщали, что председатель Временного комитета Государственной думы М.В. Родзянко «горячо отстаивал кандидатуру епископа Андрея, с именем которого связаны надежды на решение наболевшего вопроса русской церковной жизни – на реформу прихода. Епископ Андрей, как отметил М.В. Родзянко, был одним из тех немногих смелых пастырей, которые подняли свой голос против распутинской скверны»⁵⁶.

Еще менее состоятельными подобные упреки выглядят, если принять во внимание всю систему взглядов владыки. Так, в своем «Слове в день священного Коронавания» 14 мая 1916 года еп. Андрей протестует против постановки «самодержавия» во главе известной уваровской триады и прямо указывает на притчу Соломона: «Удали несправедного от царя, и престол его утвердится правдою (25, 5)»⁵⁷. Подобные высказывания в тот период приравнивались к государственной измене, и бывший директор Департамента полиции вспоминал, что царское окружение было готово расправиться с епископом Андреем, но опасалось реакции общественного мнения⁵⁸.

⁵² Еп. Андрей прямо упоминается только в авторизованной машинописи «Святого черта», предназначавшейся для сдачи в типографию Рябушинских (см.: Знатнов А.В. Юродивый всяя Руси, или Последняя надежда дома Романовых // НГ-Религии. 3 сентября 2008 г.). Еще будучи архимандритом, владыка познакомился с Распутиным в Казани в 1905 г. То т несколько раз останавливался на ночь в его казанской квартире и по рекомендации еп. Андрея был принят в Петербурге его младшим братом, который рассказывал своим ученикам, что «Распутин, «пока не вошел в силу», часто приходил к нему ночевать и пытался втереться в царский дворец через него и Эспера Эсперовича. Про самого Распутина Алексей Алексеевич говорил: “Умный был мужик, но нахал и наглец исключительный. И глаза у него были пронзительные; видимо, и гипнотизировать он умел. Да что вы думаете, между нашими отцами церкви мало было гипнотизеров? Да хоть тот же Иоанн Кронштадтский!”» (Ухтомский А.А. Доминанта души. С. 467). В 1908 г. Распутин предложил еп. Андрею стать царским духовником вместо смещенного им еп. Феофана (Быстрова, 1873–1943), но владыка категорически отказался. Отношения между ними расстроились и в 1910 г. полностью прекратились. Вскоре после этого, в 1911 г., последовал перевод еп. Андрея из Казани в Сухум, для него совершенно неожиданный: «Я только из газет узнал о своем удалении из Казани, и никто не объяснил мне, за что меня оторвали от моей духовной семьи... А теперь – я оказываюсь в Абхазии, я послан к тому стаду, которое меня и по имени даже не знает» (Прощание православных казанцев с преосвященным Андреем, бывшим епископом Мамадышским, викарием Казанским, а ныне епископом Сухумским. Казань, 1911. С. 8). См. также: Слово Церкви (далее – СЦ). 1915. №25. С. 573–574. Записанное А.С. Пругавиным «Сообщение епископа Андрея Уфимского 5 марта 1918 г.», посвященное истории взаимоотношений владыки и Распутина, полностью опубликовано в составе статьи А.В. Знатнова «Юродивый всяя Руси, или Последняя надежда дома Романовых».

⁵³ Пругавин А.С. Старец Григорий Распутин и его поклонницы / Предисловие и подготовка текста П.С. Кабытова. Самара, 1993. С. 9.

⁵⁴ В будущем – скандально знаменитый обновленец.

⁵⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.–Пг., 1923. С. 334.

⁵⁶ Выборы митрополита // Новое время. 25 мая 1917 г. (№ 14785). С. 5.

⁵⁷ О самодержавии «Благочестивейшего» // УЕВ. 1916. №10. С. 336.

⁵⁸ Падение царского режима. По материалам Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Т. 4. Л., 1926. С. 289.

Более детальный экскурс в историю взаимоотношений еп. Андрея с властями лишний раз подтверждает вышеизложенное. Владыка был последовательным сторонником свободы вероисповедания – и хотя это убеждение уживалось в нем с твердой уверенностью в необходимости поддержания политического приоритета православия над другими религиями, еп. Андрей, несмотря на многочисленные нападки, резко отвергал полицейское вмешательство государства в межрелигиозные конфликты: «К свободе вероисповеданий мы и должны стремиться, помня, что вся истина – только во святой Церкви»⁵⁹. Разумеется, никто и не должен ждать ни беспристрастия, ни даже равномерного освещения различных доктрин от епископа.

Существовал и иной аспект разногласий. В то время как государственная идея российского самодержавия видела в императоре официального главу Церкви (особенно со времен Павла), который при короновании присваивал себе прерогативы духовного лица, владыка Андрей открыто говорит о примате Церкви в общественной и государственной жизни, в качестве идеала представляя претворение государства в Церковь. Хотя последняя идея была открыто высказана лишь летом 1917 года, то есть после свержения самодержавия, для себя владыка формально поставил и явно сформулировал ее много раньше.

3

Один из важнейших, особенно в перспективе дальнейшей судьбы еп. Андрея, вопросов – выяснение его взглядов на старообрядчество.

Причину окончательного раскола православия, начавшегося в XVII веке, владыка видит в подчинении Церкви органам государственной власти, законодательное оформление которого было положено в петровские времена. Старообрядчество же, по его оценке, явилось «наиболее решительным протестом против разрушения русской культуры. Раскол начался и усилился в то время, когда государственная власть посягнула на свободу церковной жизни, потребовав, чтобы Церковь и народ стояли во фронте перед государственной властью»⁶⁰. Владыка утверждает – явно следуя «Истории русской церкви» митрополита Макария (Булгакова), – что Никон вполне мог бы примирить противоборствующие течения в православии и только низвержение патриарха и последующая бюрократизация Церкви привели к печальным последствиям нынешнего ее положения.

Высказывая глубокую скорбь о гонениях, которым подвергались старообрядцы на протяжении столетий, еп. Андрей, однако, осуждает их нежелание забыть и простить старые обиды.

Первенствующее место в симпатиях владыки к старому обряду занимает единоверие. Еп. Андрей вспоминал, что к участию в делах единоверия его привлек брат Алексей, сам активный единоверец. А.А. Ухтомский был старостой Никольской единоверческой церкви в Петербурге, а в 1917 году был избран делегатом от единоверцев на Поместный собор; он писал иконы⁶¹, преподавал в созданном им пансионе-училище при Никольском храме, был большим знатоком старообрядческого устава и пения⁶².

В единоверии, по мнению еп. Андрея, древнее благочестие сочетается с церковной дисциплиной, а именно с подчинением иерархии господствующей церкви. Сочетание этих двух качеств делало единоверие в глазах владыки той силой, которая сохраняет православность Церкви и в дальнейшем вдохновит ее возрождение. Он отмечал, что только в единоверче-

⁵⁹ Еще раз о так называемой «свободе совести». Письмо П // УЕВ. 1916. №6. С. 206.

⁶⁰ О печальных последствиях русской некультурности и о лучшем будущем в этом отношении. Речь, произнесенная при открытии Восточно-русского культурно-просветительного общества в Уфе. Уфа, 1916. Вып. 2-й. С. 12.

⁶¹ См.: Пуцко В.Г. Русское иконописание и модерн // Модерн: взгляд из провинции. Челябинск, 1995. С. 73–84. Некоторые из этих икон хранятся в доме-музее А.А. Ухтомского в Рыбинске.

⁶² Ухтомский А.А. О церковном пении. Доклад на 1-м Всероссийском съезде православных старообрядцев. СПб., 1912; То же: ЗЛ. 1917. №№22–23; То же: Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 353–387.

ских приходах и в православных, «зараженных единовением», «свято соблюдаются церковные уставы»⁶³.

Однако и другие, независимые господствующей церкви направления старообрядчества постоянно входили в круг интересов владыки и рассматривались им как своего рода катализатор преобразования православия: «где «православные» живут среди старообрядцев, там у них более уважения к Церкви, там даже в храме дети стоят скромнее, там более церковного порядка»⁶⁴. Епископ неустанно превозносит активность старообрядческой приходской жизни, где паства, объединенная вокруг храма во главе со своими наставниками или священниками, автономна по отношению к государственной власти в своих внутренних делах. Служба ведется стройно и чинно, при участии всех прихожан; литургия целиком отвечает своим целям и не засорена театральностью и концертным пением. Глубокое понимание богослужения и активное участие в нем каждого старообрядца, энергичная приходская жизнь и пример пастырей – вот те качества, которые, по мнению владыки, позволили старообрядчеству сохранить дух истинного благочестия среди своих приверженцев. Владыка сам любил и часто совершал литургию по древнему чину⁶⁵.

Однако именно здесь следует остановиться на основных противоречиях в мировоззренческой позиции еп. Андрея и на недооценке им важнейших разногласий старообрядчества и официального православия.

Владыка редко специально выступал по вопросам догматики, вот почему небольшая его статья, помещенная в февральском номере «Христианской жизни» за 1917 год, может стать ключом к пониманию его теоретических построений во всех сферах⁶⁶. Здесь он касается Божественной Литургии; именно евхаристия является центром христианской жизни.

Мы уже высказали убеждение в том, что владыка был духовно цельной личностью. Им уже был пройден путь овладения верой, и ныне все свои силы преосвященный направил на разработку философии действия, приспособленной для восприятия простого народа. Но в данном случае его словно поразила неспособность найти слова, исчерпывающие и адекватно выражающие то, что он уже «знает». Когда владыка выявляет свое личное переживание веры, он остается на позициях святоотеческой догматики и уповает лишь на «безграничную спасающую любовь Сына Божия». Но стоит лишь ему попытаться превратить свою веру в учение, как в деле спасения христианина владыка делает основной упор на верность принципам нравственности: «Только не греши, не оскверняй только себя грехом, и тебя Господь не отринет от святой Церкви Своей»⁶⁷. Таким образом, с одной стороны, Господь осеняет все жизненное творчество человека; с другой – переходя при обращении к пастве на язык проповеди, владыка ставит в основу жизненно-моральные принципы, в следовании которым видит залог и условие спасения. Из статьи вытекает, что именно человек, очищаясь от скверны, приближается к благодати, что дело спасения в его собственных руках. Владыка почти совершенно игнорирует воспитательную цель литургии, сочетание sacramентального смысла таинства и осознанного участия верующих в нем. И самое важное – а еп. Андрей молчит об этом в основной части статьи, – что в конечном счете спасает человека высшая сила, спасает своим присутствием в литургическом священнодействии. Лишь в заключение статьи, резюмируя молитву Амвросия Медиоланского и выявляя свою веру, владыка называет «целью святой Евхаристии... не только исправление внешней жизни христианина, но полное перерождение его природы»⁶⁸.

---

⁶³ Приход, зараженный единовением // УЕВ. 1915. № 9. С. 382.

⁶⁴ Святительский призыв к старообрядцам // ЗЛ. 1917. №4. С. 90.

⁶⁵ Три архиерейские литургии по древнему чину // УЕВ. 1917. №2. С. 52–54.

⁶⁶ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 18–53; То же: УЕВ. 1917. №5–6. С. 133–161.

⁶⁷ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 24, 23.

⁶⁸ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 34–35.

Следует обратить внимание на почти полное отрицание здесь богословских знаний. «Дело спасения не в словах и не в формулах» – это действительно так, однако христианство, как религия насквозь историческая и опирающаяся на авторитет, не может игнорировать определенный комплекс канонов, лежащий в его основе. Статья, вдохновленная полемикой со старообрядцами и современным официальным богословием, в дискуссионном запале отменяет духовную и воспитательную силу обряда. Владыка здесь увлекся и не сумел установить той грани, которая отделяет «обрядоверие», переходящее в волхование, от опоры на предание и традицию.

Еп. Андрей сам вспоминает разговор со своим духовным наставником в начале своего пастырского служения, когда молодой иеромонах высказывал свою веру. Казанский архиепископ Владимир (Петров) тогда ответил ему: «Вы так говорите по милости Божией и по благодати Св. Духа, только вы еще не успели отчетливо выразить их себе в словах»⁶⁹. В дальнейшем еп. Андрей сформулировал *для себя* ощущение литургии и свою статью закончил так: «Да дарует же Господь всем православным христианам силы благодатные через св. Тайны Тела и Крови Христовых быть новою тварию во Христе, иметь сердце чистое и дух правый и не желать и не знать на земле никакой другой радости, никакой другой красоты и счастья, кроме сознания, что Господь спаситель не оставит грешного мира, а всегда жизненно пребывает во тайнах со всеми, Его возлюбившими и по заповеди Его св. Тело и Кровь»⁷⁰. Однако выражая *словами* свою веру для других, владыка сместил акценты в сторону работы самого человека в деле достижения идеала. Нисколько не желая умалить значения нравственной работы человека в деле самосовершенствования, мы, тем не менее, вынуждены вспомнить библейские повествования о рукотворной башне Вавилона и о лестнице Иакова.

Разумеется, в проповедях приходится учитывать уровень подготовки слушателей, но «Христианская мысль» была серьезным богословским журналом. Кроме того: можно ли в угоду популярности изложения упускать основополагающие категории вечных истин?

* * *

Бичуя православную иерархию за подчинение государственной власти, епископ Андрей при этом не слишком последовательно видит все преимущество единоверия перед старообрядцами Белокриницкой иерархии в том, что единоверцы находятся в духовной зависимости от господствующей церкви. Но ведь сам владыка неоднократно утверждал, что официальная иерархия во многих вопросах следует указаниям обер-прокурора Синода, никакого отношения к истинной церковности не имеющего. Эта коллизия тесно переплетается с проблемой признания еп. Андреем старообрядческой Белокриницкой иерархии, которую сам он вплоть до 1917 года именовал «самочинным сборищем». Подобные аттестации, разумеется, препятствовали любым попыткам завязать контакты с этим, организационно наиболее мощным, течением старообрядчества. Более того, в этот период владыка писал не об объединении, а о присоединении старообрядцев к господствующей церкви, которое фактически происходило бы лишь под эгидой того самого Ведомства православного исповедания, вызывавшего у еп. Андрея стойкую антипатию; он писал, что оно «по существу своему антицерковно».

Другим источником наиболее важных противоречий была уверенность владыки в том, что реформы Никона не являются серьезным препятствием для восстановления церковного единства. Подобный взгляд прямо вытекал из теоретических посылок отношения еп. Андрея к церковным канонам и традиции. Он неоднократно подчеркивал, что в богослужении и проповеди первенство принадлежит духу, а не букве закона, тогда как старообрядческая идеология придает и «букве» и «духу» неразрывную равноценную значимость, настаивая на том, что обряд сам по себе несет глубокий внутренний смысл, духовное и воспитательное значение.

---

⁶⁹ Там же. С. 24.

⁷⁰ О святом причащении Христовых Таин // Христианская мысль. 1917. №2. С. 35.

Так или иначе, но церковно-общественная деятельность и личное благочестие еп. Андрея, равно как и более чем доброжелательное отношение к древлеправославию вызывали ответные симпатии старообрядцев. Они выделяли владыку из среды православной иерархии, считая его едва ли не единственным носителем истинной церковности в епископате господствующей церкви⁷¹. Старообрядческие публицисты ревностно оберегали симпатичного им архиерея от нападков православных ретроградов, однако с горечью отмечали и его срывы и обидные для старой веры высказывания. Старообрядческая пресса внимательно следила за общественной и литературной деятельностью еп. Андрея, широко перепечатывала его статьи и речи⁷² и призывала своих читателей обратить внимание на те или иные высказывания концептуального характера, неоднократно указывая на неприемлемость для господствующей церкви многих идей и действий владыки и считая, что место ему посреди приверженцев древлего благочестия: «Епископу Андрею лежит прямой путь в старообрядческую Церковь. Ему место среди живых людей, бюрократическая среда загубит его»⁷³.

4

Владыка Андрей прибыл в Уфу 14 февраля 1914 года, и вскоре в неофициальном отделе местных епархиальных ведомостей появилась новая рубрика: «Письма к пастырям Уфимской епархии». Всего этих писем было напечатано 41, позднее письма за 1914 и 1915 годы выходили и отдельными изданиями. Помимо этой рубрики появлялись и иные материалы подобной же направленности: например, беседа владыки с клириками города Бирска, записанная местным священником о. Иоанном Москалевым⁷⁴.

Сам замысел подобных посланий возник под несомненным воздействием статей владыки Антония (Храповицкого) по пастырскому богословию, опубликованных во второй половине 1890-х; одна из них так и называлась – «Письма к пастырям». Разумеется, корни мировоззрения обоих архиереев лежали в основополагающих идеях православия, но столь же очевидно владыка Андрей, следуя наставлениям своего учителя, не ограничивался повторением формы их изложения и существа поднимаемых там проблем. Еп. Антоний считал, что в первые века христианства, когда жизнь общества «протекала под непосредственным видимым воздействием Св. Духа», права пастыря не проявлялись во всей своей силе – в этом не было нужды; сейчас же, «с оскудением религиозно-нравственного одушевления», права и обязанности пастыря неизмеримо выросли и именно на него возложена «обязанность проводника Св. Духа в сознание и сердца людей»⁷⁵.

Подобные воззрения были основополагающими и для еп. Андрея: «Дело пастыря заполнить опустошенную душу святым содержанием», – писал он⁷⁶. Однако владыка видел и иные аспекты приложения усилий священника, обязанного не только духовно окормлять своих прихожан, но и способствовать возрождению всей церковно-общественной жизни на принципах первоначального христианства, то есть воссозданию духовной атмосферы, обеспечивающей «непосредственное воздействие Святого Духа».

Можно, конечно, рассуждать об утопичности подобных проектов, ссылаясь на необратимость исторического процесса. Однако этот процесс и привел Церковь к нынешнему ее состоя-

⁷¹ По следам старообрядчества // СЦ. 1916. №17. С. 391.

⁷² См., напр., СЦ за 1916 год: №23, 49 и другие. Известны экземпляры периодических изданий и брошюр, на которых рукою еп. Андрея указано, что он направляет их в старообрядческие редакции для отзыва.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. (По записям священника Иоанна Москалева) // УЕВ. 1914. №20–21.

⁷⁵ Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие [репринт – Печоры, 1994]. С. 11.

⁷⁶ О пьянстве и борьбе с ним // УЕВ. 1914. №12. С. 221.

нию, отнюдь не блестящему – особенно если говорить о церковном строе. А что касается «необратимости», то можно вспомнить, например, украинские церковные братства XVII века, когда объединения мирян смогли отстоять православие от наступления католичества, в то время как епископат и значительная часть клира капитулировали перед ним.

Краеугольным камнем возрождающейся приходской жизни, по мнению еп. Андрея, должен стать преображенный, пользующийся доверием прихожан священник. Владыка подвергает анализу терминологию, сложившуюся в русском православии, и пишет о разлагающем воздействии самого определения клира как «духовенства», что гасит, по его мнению, стремление пастырей к самосовершенствованию: «духовенство не делается духовным от того, что оно носит особое «духовное» платье и длинные волосы; не делается мирянин – «духовным» человеком от того, что причисляют [его] к духовенству и дают церковно-гражданские *права*; – нет, но когда он исполняет свои *обязанности*, когда он через церковное служение и постоянный подвиг возвысится до благодатных переживаний, тогда только всякий клирошанин делается духовным одухотворенным существом»⁷⁷. Безусловно, владыка помнит о дарованной священнику благодати, но утверждает, что «очень часто пастырь своим невниманием к добродетельной жизни заглушает в себе благодать – дар, полученный в хиротонии». Священник обязан постоянно помнить, что он «лишь глиняный сосуд, наполненный славой Божией», и «заботиться, чтобы не осквернить эти сосуды греховною скверною а сделать достойным вместить сокровище благодати Христовой»⁷⁸. Пастырь обязан постоянно совершенствоваться нравственно и повышать свой образовательный уровень; владыка, например, рекомендует познакомиться с произведениями Владимира Соловьева, замечая, что «прочсть его – окончить университет». Но и образование необходимо подчинять началам морали: «всякий догмат веры есть непременно догмат благочестия и имеет самое ближайшее отношение к нравственной жизни. На догматах церковных основываются все нравственные требования христианского закона: догматы – это базисы добродетели»⁷⁹. Добродетельная жизнь самого пастыря – основа всей его работы, и приведение паствы к благодатной жизни всецело обуславливается преуспеянием собственной жизни духовного наставника. И отсюда исходит основной принцип служения: «Первым признаком доброго пастыря нужно считать полное нравственное его объединение с приходом, когда пастырь живет горем и радостью своей паствы. Как мать переносит свои радости на детей и птица на птенцов своих, так и священник должен отказаться от личной жизни для паствы – «невесты Христовой», с которой повенчан при получении благодати священства»⁸⁰. И еще: «добрый пастырь всегда умирает для себя, чтобы жить для Господа и чтобы жизнь Христова открылась в нем»⁸¹.

Большое значение придавал владыка внешнему облику священнослужителя и, в частности, запрещал стричь волосы даже дьяконам. Рассуждая о воспитательной функции обряда, еп. Андрей уделял пристальное внимание церковному пению. Так, 28 декабря в уфимской «Крестовой» церкви он произнес проповедь, позднее опубликованную под названием «О древнерусском пении». Владыка вменил в обязанность пастырям наладить в своих храмах пение, ибо оно должно «воспитывать в нас святое чувство, которое спасло святых отцов и всех наших ранее нас живших братий наших: оно должно объединять нас, делать нас одною церковною семьею». Требуя удаления из храмов «концертного пения», владыка настаивал: «Святые звуки должны не услаждать, не увеселять молящихся, но содействовать их молитвенному настроению». Пример духовного и нравственного воздействия строго соблюдаемых устава и обряда, храмового

⁷⁷ О духовности духовенства // УЕВ. 1916. №21. С. 694

⁷⁸ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 730.

⁷⁹ Там же. С. 235.

⁸⁰ Там же. С. 368.

⁸¹ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 373.

пения в частности, владыка видит в старообрядцах, которые «сохранили свою жизнь по старому укладу... донесли неизменными старинный церковный устав до наших дней. А этот устав сохраняет всю жизнь старообрядцев, почти не затронутую современными беспорядками»⁸².

Священники постоянно слышали святительское напоминание о проповеди, причем владыка Андрей указывал, что нет необходимости в особой подготовке к ней: достаточно вдохновляться Св. Писанием и молитвой, и слова тогда придут сами. Но при этом следует твердо помнить, что «душу грешную и будит и укрепляет не слово, а чувство»⁸³. Еп. Андрей предостерегает пастырей, напоминая о трудности их служения, но и ободряет: «Мы должны нести свой крест: имея перед собой Святой Крест Господа Спасителя... все испытания в жизни пастыря: неблагодарность паствы, вражда родных, противодействия властей, козни и помехи от сотрудников и др. предречены Спасителем. Пастырю нужно всегда помнить, что чем больше ему внешних помех, тем больше Бог поможет ему»⁸⁴.

Владыку иногда упрекали в некоей «приземленности» его проповеди, в частом обращении к «земным» проблемам. Но он, словно отвечая таким критикам, постоянно напоминал, что понятие «религия» (дословно – «связь») означает не только объединение людей между собой, но и их союз с Богом: «Любовь пастыря к пастве это великий крест, так как и эта любовь связывает его с землей, как бы притягивает к земле, и много нужно усилий, чтобы вознести [любовь] на небо, сделать исключительно благодатною»⁸⁵. Священное писание, молитва – вот те силы, которые вдохновляют и укрепляют священнослужителя, утверждает еп. Андрей, причем он ставит молитву выше самопожертвования, тем самым вновь утверждая, что пастырь, духовный наставник, обязан быть вдохновителем строительства общественной жизни русского народа на принципах православия.

В своей речи при наречении во епископа архимандрит Андрей, определяя задачи своего архиерейского служения, подчеркнул общность интересов православия и России: «Верую и твердо убежден я, что как выросла св. Русь около Церкви Православной, так и воссоздать ее может только ее родное православие. Когда православный русский народ окружит тесным кольцом своих архиереев и объединится с ними – когда обновится православная Русь, тогда возвратится мир и радость всей нашей общественной жизни во всей ее совокупности»⁸⁶. Главная ответственность, говорил будущий епископ, лежит на современной иерархии, которая, осененная дарованной ей Церковью благодатью, возглавит обновление русской церковно-общественной жизни. Однако усилий одних только пастырей недостаточно, и они должны призвать себе в помощь все церковные силы, опереться на поддержку мирян. Обращаясь к епископам, присутствовавшим при его наречении, архим. Андрей просил их молиться за него и оказывать поддержку в делах, суть которых определил так: «Будущий Собор Всероссийский и немедленное, так сказать, воцерковление русского народа, то есть развитие в нем сознательной церковности всеми средствами, – вот к чему я призываю служить, – так я понимаю свое дальнейшее служение Церкви Божией»⁸⁷.

Просматривая сообщения епархиальных ведомостей о конкретных делах владыки, можно видеть, какой колоссальной работоспособностью обладал еп. Андрей. Но важнейшую свою задачу он видел в организации истинно пастырского служения руководимого им духовенства. С этой целью владыка регулярно инспектировал самые отдаленные уголки своей епархии, давая наставления клиру и демонстрируя образцы служения литургии и произнесения

⁸² О древнерусском церковном пении // Слово. 28 декабря 1917 г. С. 694–695.

⁸³ О времени говения и исповеди. // УЕВ. 1915. №2. С. 59.

⁸⁴ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 374.

⁸⁵ Несколько мыслей из бесед преосвященного Андрея с пастырями в г. Бирске в 1914 г. С. 373.

⁸⁶ Речь архимандрита Андрея, произнесенная им 3 окт. 1907 г. при его наречении во еп. Мамадышского, викария Казанской епархии // Известия по Казанской епархии (далее – ИПКЕ). 1907. №42. С. 1307.

⁸⁷ Там же. С. 1308.

проповеди. По отзывам современников, архиерейские служения еп. Андрея наполняли храм атмосферой истинной духовности, вызывая религиозный восторг, слезы умиления и счастья у прихожан и духовенства. Медвежьи углы, ни разу не выдавшие архиерейских служб, получали импульс возрождения церковно-общественной жизни. В личных и коллективных беседах с пастырями владыка направлял их работу, наказывая нерадивых и поощряя деятельных.

Вдохновляющим активность духовенства фактором стало требование владыки об участии клира в миссионерских организациях: Обществе св. Гурия в Казани, Православном палестинском обществе, Восточно-русском культурно-просветительном обществе в Уфе, задачами которых было распространение православия среди мусульман и язычников и укрепление благочестия в православных общинах. Миссионерская деятельность, которой владыка посвятил себя с самого начала пастырского служения, вообще занимала значительное место в его жизни. Как личность он пользовался уважением и авторитетом среди иноверцев и своими проповедями достигал большого успеха в деле распространения православия в их среде. За сравнительно короткие сроки его усилиями были созданы Трехсвятительский крещено-татарский мужской скит и Покровская крещено-татарская женская община⁸⁸, открыты многочисленные приходы. Свое обращение к православию неопиты связывали с личностью еп. Андрея – для них он был воплощением христианского подвижничества. «Он один из архиереев отстаивал национальные интересы загнанных народностей – чуваш, черемис, вотяков и т.д. Он был и есть любимец низшего, бедного, загнанного люда. Казань и Уфа, где он служил, в самых бедных слоях населения помнят его добрую, ласковую, отзывчивую душу; беженцы Западного края одеты были только им», – напоминал новым властям в 1924 году знавший владыку по Казани протоиерей Транквиллин Земляницкий⁸⁹.

Владыка уделял особое внимание новокрещеным приходам, до мелочей разрабатывал рекомендации их наставникам, способствовал широкой публикации богослужебной литературы на языках народов Урала и Поволжья. Особенно настойчиво он требовал, чтобы храмовая служба велась на языке большинства прихожан или, по меньшей мере, «на двух языках попеременно»⁹⁰. Примечательно, что соответствующее распоряжение было одним из первых актов владыки по вступлении его на уфимскую кафедру. Позднее, на заседании шестого отдела Предсоборного совета «по вопросу о допущении малорусского, русского и других народных языков в богослужение», состоявшемся 10 июля 1917 года, «Андрей, еп. Уфимский, указал на большую религиозность татар, которая объясняется имеющимся у них татарским текстом некоторых церковных книг, добавив, что *понятность богослужения способствует возвращению сектантов*. Он, преосвящ. Андрей, *при чтении канона допускает перестановку слов и пояснения*»⁹¹.

⁸⁸ Основаны: первый в 1905 г., в 1911 г. получил статус монастыря, находился близ деревни Малое Некрасово Лаишевского уезда Казанской губернии; вторая в 1908 г. в Мамадышском уезде Казанской губернии. Об их разорении см.: Журавский А.В. Насильственная секуляризация монастырских хозяйств в национальных республиках Поволжья в 1917–1919 годах // Исторический вестник [Воронеж]. 2001. № 1 (12).

⁸⁹ Новые материалы о преследованиях за веру в Советской России: опросные листы и карточки арестованных, письма заключенных и их родственников (по материалам Политического Красного Креста) / Сост. И.И. Осипова // Церковно-исторический вестник. 1999. № 2–3. С. 93; как вспоминал епископ Василий (Докторов), когда «в Казани был погром евреев», то «духовенство по распоряжению епископа Андрея Ухтомского ходило по Казани с иконами и портретами государя и старалось, где это было возможно, предотвратить погром. Я также ходил по Казани с иконами, будучи диаконом». Публикатор этого свидетельства уточняет, что «скорее всего, это было не распоряжение, а инициатива владыки Андрея, ведь будучи третьим викарием Казанской епархии, едва ли он мог “распоряжаться”». Кроме того, если указанное событие относится к 1905 году, то в это время он еще и не был в архиерейском сане. Но то, что именно архимандрит Андрей это делал и был инициатором, – несомненно. В Казани и в Казанской епархии он имел огромный авторитет как искренний пастырь и миссионер (Священномученики Сергей Нарвский, Василий, епископ Каргопольский, Иларион, епископ Поречский. Тайное служение иосифлян. Жизнеописания и документы / Сост. Л.Е.Сикорская. М., 2009. С. 182).

⁹⁰ Распоряжение в Уфимскую духовную консисторию // УЕВ. 1914. №7. С. 69.

⁹¹ Материалы Предсоборного совета о Богослужебном языке // ГАРФ. Ф. 3431. № 581. Лл. 87–91.

Замечательным фактом архипастырского служения было глубокое преобразование церковно-общественной жизни Сухумской епархии, проведенное еп. Андреем за два с небольшим года. Сразу же после своего появления там он, в частности, создал первый молитвенный дом в селе Псху, после революции почти 15 лет служившем главным оплотом монахов-имяславцев⁹². В антирелигиозной литературе об этом повествовалось так: «...В 1911 году первый поп, который пробрался на Псху, был епископ Андрей или, иначе, князь Андрей Ухтомский. Был, говорят, большой ханжа и замечательный оратор. Закатывал псхусцам сногшибательные проповеди о спасении души человеческой... и основал, впервые на Псху, очаг спасения заблудших грешников. Сейчас князь Андрей в каком-то ленинградском учреждении, на правах равноправного гражданина и советского служащего, исчисляет статистические таблицы»⁹³.

Важнейшим проводником своих идей владыка считал печатное слово. Количество его статей и выступлений в светской и церковной прессе исчисляется многими сотнями, а географически – они издавались почти по всей стране. Немало и отдельно изданных книг, брошюр и оттисков статей. Еп. Андрей основал первый церковный орган в Сухумской епархии – «Сотрудник Закавказской миссии» (1912–1916), его детищами были также газета «Дус» (на татарском языке в русской транскрипции), казанский еженедельник «Сотрудник Братства святителя Гурия» (1909–1911), «Заволжский летописец» в Уфе.

Многочисленные отзывы о деятельности владыки в Казани, Сухуми, Уфе говорят о любви и уважении, которыми он пользовался в самых различных слоях как русского, так и иногородческого православного населения. Даже в конце 1920-х в одной из своих повестей бывший уфимец, писатель Борис Четвериков не без теплоты и сочувствия вспоминает об еп. Андрее. Школьный инспектор своими придирками довел гимназиста до самоубийства; общественность взволнована и возмущена, но встал вопрос, где хоронить юношу: по строгим правилам – только вне ограды кладбища. Губернатор отправился к владыке:

«Местный архиерей был строгих правил, у прихожан он пользовался уважением еще и потому, что был из рода князей Ухтомских и принятие духовного сана было связано у него с какой-то личной драмой... Архиерей сочувственно выслушал губернатора. – Неверие разъедает наше общество... Упадок нравственности... – сетовал он. – Так как же нам быть, владыка? – Я бессилён! – развел руками архиерей. – Но... я могу ничего не знать... Представьте, например, что я в отъезде... Единственно, могу обещать, что священник, который совершит отпевание, не будет наказан... И Алфеева похоронили со всеми церемониями, какие полагались»⁹⁴.

А вот несколько выдержек из выступлений на проводах еп. Андрея в Новороссийске, когда владыка покидал сухумскую кафедру:

«Преосвященный на всех местах своего служения сумел стяжать любовь своей паствы, не только народной, но и любовь интеллигентного и высшего общества. Здесь оказали свое влияние не только воспитание и культурность... но и истинно миссионерский дар – то проникновение, церковно-мистическое настроение и ласка душевная, которые так пленяют сердца верующие и обремененные духовными страданиями и мучительными поисками благодатной веры»⁹⁵.

А вот слова человека, сумевшего прочувствовать сущность работы владыки, охватывающей все стороны человеческой жизни. Напомним, что это 1913 год – русское общество уже пережило подъем 1905-го, уже наступило разочарование как в революционных идеях, так и

⁹² Подробнее см.: *Флоренский П.А.* Переписка с М.А. Новоселовым. Томск, 1998. С. 238–240.

⁹³ *Половнев И.* Страна Псху. Очерки. Сухум, 1931. С. 34 (на момент выхода книги еп. Андрей находился в Ярославском политизоляторе, а отнюдь не «исчислял статистические таблицы в каком-то ленинградском учреждении»; в этом сообщении, похоже, сказалось смутное представление автора о занятиях его брата-физиолога; особо стоит отметить приложенную к книге подробную карту имяславческих скитов в Абхазии).

⁹⁴ *Четвериков Б.Д.* Уфимские зори. Уфа, 1977. С. 148.

⁹⁵ Проводы преосвященного Андрея, епископа Сухумского (корреспонденция из Новороссийска) // УЕВ. 1914. №3. С. 37.

в способности власти дать новые импульсы общественной жизни России. Когда обострены «взаимоотношения между различными группами и классами населения, в высшей степени трудно найти способы и средства, объединяющие, связывающие разрозненные и разобщенные элементы общества; то, что трудно, не по силам и невозможно преодолеть ни современной философии, ни государству, ни целым обществам и учреждениям, Вы сумели отчасти постичь, разрешить своей искренней, прямолинейной, проникнутой глубокой верою учения Христа, деятельностью: Ваша личность, благотворно действующая на всех, Ваша способность понимать людей и подходить к ним с любовью привлекла к Вам совершенно различные круги общества, которые, сталкиваясь между собою симпатиею к Вам, объединялись и сближались духовно»⁹⁶; «Владыка-миссионер всюду вносил мир, благоволение и религиозное пробуждение в духовно-заснувшие души своей бедной паствы»⁹⁷.

Знаменательна и реакция уфимского земства на просьбу владыки оказать финансовую поддержку церковно-приходским школам. В предыдущие годы земцы отказывались делать это, но призыв еп. Андрея к единению земства и Церкви в деле воспитания подрастающего поколения был расценен общественными деятелями как «редкое явление, едва ли не единственное в России со времен введения земства»⁹⁸. Личность владыки, «настолько привлекательная и снискавшая такую глубокую симпатию среди местного общества», произвела на земцев большое впечатление. Они высказали удовлетворение тем, что в столь тяжелое время епархию возглавил именно такой человек, и в надежде на дальнейшую плодотворную работу земство «ассигновало требуемую сумму в личное распоряжение епископа»; так же поступили златоустовское, стерлитамакское и другие земства⁹⁹.

---

⁹⁶ Там же. С. 38.

⁹⁷ Там же. С. 37.

⁹⁸ Мнение Уфимских земцев о церковных делах (на основании речей в уездных земских собраниях 1914 г.). Уфа, 1915. С. 7.

⁹⁹ Там же. С. 11.

Глава третья

Церковь и государство. Новые условия

Революция не стала для еп. Андрея неожиданностью. О невозможности дальнейшего существования царского режима в том виде, в каком он явил себя в XX веке, владыка писал задолго до 1917 года. В духе славянофильского учения он оценивал царскую власть не как привилегию на господство, а как исполнение обязанностей и тягот управления, возложенных на династию Романовых русским народом. Однако режим не сумел удержаться на высоте поставленных перед ним задач, погряз в беспринципности и безнравственности: «Самодержавие русских царей выродилось сначала в самовластие, а потом в явное своевластие, превосходившее все вероятия»¹⁰⁰. Непонимание экономических и политических интересов страны, игнорирование духовных запросов русского общества, падение авторитета двора вызвали, по мнению владыки, бурю революции и гибель деспотизма.

Идея православия, лежавшая в основе знаменитой уваровской формулы, оказалась отнесенной на задний план и потому не смогла исполнить своей миссии духовного и нравственного воспитания народа. Произошла полная дискредитация самих понятий Церкви и клира. Приходское духовенство превратилось в требоисправителей, а высшие иерархи – в государственных чиновников, недоступных ни мирянам, ни низшему клиру. Роскошные выезды архиереев в сопровождении полицейского исправника в близлежащие от епархиального центра приходы не могли удовлетворить религиозные запросы масс, отдаленные приходы часто вообще не подозревали о существовании архиереев. Результатом, подводит итог еп. Андрей, стало массовое обезверивание православного народа, которое отразилось в разгуле анархии и росте популярности крайних партий. Авторитет клира, лишенный поддержки полицейских мер, оказался дутым. Более того, враждебность к старому режиму распространилось и на саму Церковь как составную часть ненавистной государственной машины.

Показательно, что в своем «Апокалипсисе нашего времени» В.В. Розанов видит в «Андрее Уфимском» вообще единственного («Да и всё») в Церкви искреннего носителя тех убеждений, о которых после Февраля заговорило вдруг большинство духовенства: «и стали вопиять, глаголать и сочинять, что “Церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической”, и что особенно она уж никогда не была монархической, а вот только Петр Великий “принудил нас лгать” ... Попам лишь непонятно, что Церковь разбилась еще ужаснее, чем царство»¹⁰¹.

Еп. Андрей, приветствуя Февральскую революцию как акт ликвидации всеохватывающего давления самодержавия на церковную жизнь, призвал в первую очередь к ее обновлению и возрождению, тем самым ставя в вину самой Церкви факт ее разложения. Вновь актуализируется главный лозунг деятельности владыки – активизация церковно-общественной работы на уровне православного прихода, что должно стать основой строительства новой России. Обновление Церкви с привнесением через это нравственных и духовных начал в революционный процесс – такова для еп. Андрея альтернатива лозунгам смерти и разрушения. Владыка не верит в способность людей, ставших во главе революционной власти, придать верное направление строительству новой жизни, так как и психология их возвращена в порочных условиях общества, лишенного нравственных начал, и сами новые вожди формулируют свои идеи, игнорируя нравственные принципы веры. Поэтому владыка и призывает воздерживаться от скоро-

---

¹⁰⁰ Государственная Дума и Св. Синод // ЗЛ. 1916. №1. С. 138.

¹⁰¹ Розанов В.В. Рассыпанное царство // Розанов В.В. Собрание сочинений. [Т. 12]. М., 2000. С. 6. (Упоминания вл. Андрея в публицистике Розанова, довольно внимательно следившего за его деятельностью, – вообще весьма интересная самостоятельная тема.)

палительных решений и действий: «Главное, только дайте себе твердое обещание не делать никому зла, даже словом никого не оскорбить»¹⁰².

4 марта 1917 года владыка отправляется в Петроград, чтобы лично увидеть рождение нового строя, затем едет в Двинск и Ригу, в прифронтовую полосу, служит и проповедует в войсках. Общее настроение народной массы производит на него удручающее впечатление: владыку страшит всеобщее обезверивание и озлобление. Углубление революции ведет к царству анархии, предупреждает еп. Андрей, а возглавившее ее безответственные элементы, выдвигая благородные и многообещающие лозунги, способны повести за собой политически неграмотные массы. Революция, взломав хрупкие препоны внешней мощи власти, вскрыла язвы российской жизни, ее духовную опустошенность и отсутствие нравственных начал. На фоне подобной оценки событий владыка вновь напоминает, что социальную революцию необходимо начинать с человеческой личности, с ее нравственного воспитания в рамках возрожденного прихода (а инородцев – на началах монотеистических религий).

При этом еп. Андрей не отрицает и необходимости создания в стране благоприятной общеполитической обстановки, которая будет способствовать свободной деятельности людей на ниве духовного строительства. Церковь, убежден владыка, должна быть безусловно освобождена от опеки государственного аппарата; в то же время недопустимо понимать отделение Церкви от государства как ограничение нравственного воздействия православия на все стороны общественной жизни. Поэтому еп. Андрей поначалу активно включается в работу верховных органов новой церковной власти.

---

¹⁰² Моей Уфимской пастве (Обращение 7 марта 1917 г.) // УЕВ. 1917. №5–6. С. 135.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.